

олег ПОПЦОВ

аншлаг
в кремле

свободных президентских мест нет

Олег Максимович Попцов
Аншлаг в Кремле. Свободных
президентских мест нет
Серия «Политические тайны XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373425

Олег Попцов. Аншлаг в Кремле. Свободных президентских мест нет:

Алгоритм; Москва; 2011

ISBN 978-5-6994-6933-8

Аннотация

Писатель Олег Попцов, бывший руководитель Российского телевидения, – один из тех людей, которым известны тайны мира сего. В своей книге «Хроники времен царя Бориса» он рассказывал о тайнах ельцинской эпохи. Новая книга О. М. Попцова посвящена эпохе Путина и обстоятельствам его прихода к власти. В 2000 г. О. Попцов был назначен генеральным директором ОАО «ТВ Центр» (ТВЦ), а в 2005 г. совет директоров канала ТВЦ отправил Олега Попцова в отставку «в связи с истечением контракта», согласно официальному сообщению. По мнению самого Попцова, подлинной причиной увольнения стал его телевизионный фильм «Ваше высокоодиночество», построенный как воображаемый диалог с российским президентом Владимиром Путиным. Смысл фильма сводился к тому, что Путин не знает реального

положения страны и российского народа. В настоящей книге О.М. Попцов рассказывает об этих событиях, об истинной подоплеке многих действий путинской администрации, раскрывает тайны политической жизни Кремля в первое десятилетие XXI века.

Содержание

«А вы о нас подумали?»	5
Прощальная речь Б.Н. Ельцина:	9
Каникулы накануне беды	13
2001	22
Однако...	22
Предчувствие мрака	24
Мудрость не дается взаймы	31
2002	51
И скрытое стало явным	51
Блажен, кто ворует	53
Очень долгое эхо	62
От любви до ненависти – один шаг, или	92
Испытание Америкой	
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Олег Попцов

Аншлаг в Кремле.

Свободных

президентских мест нет

«А вы о нас подумали?»

Вместо предисловия

Что может быть предисловием к этой книге? О чем она? Или почему я ее написал?

Последний вопрос мне всегда казался странным. Тем более что он задавался мне, как правило, иначе. Не *почему*, а *зачем* вы ее написали? Первое потрясение от такого рода вопросов я испытал после выхода своей первой книги о российской власти – «Хроника времен Царя Бориса».

Представьте: август 1994 года. Я – Председатель Российской государственной телерадиокомпании, снимаю передачу, посвященную годовщине провала ГКЧП. Только что вышла из печати та первая моя книга о власти, посвященная, в том числе, и событиям августа 1991 года, окончательно перевернувшим и Россию, и СССР, и весь так называемый «социалистический лагерь». Съёмки программы уже заканчи-

вались, мы работали на Горбатом мосту перед Белым домом. Нужно было снять еще один общий план. И вдруг режиссер передачи, уже немолодая женщина, спрашивает меня: «Олег Максимович, *зачем* вы написали свою книгу о «царе Борисе?»»

Смотрю на нее, угадываю на лице не растерянность даже, а подавленность. С облегченной, расслабляющей улыбкой отвечаю: «Потому что не мог не написать. Я уж, вы меня извините, писатель. И был не только очевидцем, но и участником тех событий». «А вы о нас подумали? Они же вам этого не простят», – сказала женщина-режиссер и заплакала. Я бросился ее успокаивать, дескать, эта книга – анализ общественных настроений, надежд, ошибок и разочарований. Мы все прошли через это время, и нам потребно его помнить. «Все понимаю, – говорит женщина, – Только вы – романтик. Их не переделаешь, а страдать нам».

Никогда не забуду той истории.

И вот, спустя четырнадцать лет, в 2008 году, я закончил третью книгу своего цикла о власти. Две предыдущие: уже упомянутая «про царя Бориса» и «Тревожные сны царской свиты» – о том, как начиналась и чем закончилась эпоха Б.Н. Ельцина.

Женщина-режиссер оказалась права. Они мне не простили. В 1996 году Ельцин отправил меня в отставку с поста Председателя ВГТРК. Это не было *его* выверенным решением. Это сделали *они*. Те, кто у власти, при власти и около нее.

Сразу после отставки позвонил тогдашний глава кабинета министров В.С. Черномырдин и сказал: «Олег, я к этому безобразию не имею никакого отношения. Со мной никто не советовался». И добавил несколько слов из неформатной лексики. Иначе это был бы не Ч.В.С.

В августе 2008 года я оказался на даче С.П. Капицы, где мы обсуждали любопытную телевизионную идею. Один из собеседников поинтересовался: «Как дела с вашей новой книгой? Когда нам ее ждать?» Ответил: «Книгу закончил, занимаюсь самым неблагодарным трудом – вычитываю и редактирую».

«А как она будет называться?» – спросил собеседник.

«Есть разные варианты, – ответил я, – Возможно, «Коленопреклоненные»».

«Олег Максимович, можно вас попросить, издайте ее после того, как мы воплотим наш телевизионный замысел».

А ведь со времен «Хроники царя Бориса» прошло четырнадцать лет. И эпоха другая. И персонажи во власти существенно обновились. Антон Павлович Чехов прав: мы ничего не достигнем и не вернем себе достоинства великой страны до тех пор, пока не вытравим в себе раба.

Моя новая книга, которую сейчас читатели держат в руках, написана в стиле *сопровождения событий*. Она не претендует на точную хронику. События, которые комментирует автор, на его взгляд, знаковые. Вполне возможно, кто-то их сочтет рядовыми и не обратит на них особого внимания.

Этими «кто-то» могут оказаться и «крупноранговый» чиновник, и приближенный к правящей элите политолог. Все правомерно. Другой мир, другие ощущения. Так устроена жизнь: во все времена, во всех государствах власть живет по своему календарю. Календарю власти.

И если «бег времени» остановить не дано, то зафиксировать его мгновения под силу, поэтому автор мало что переписывал или исправлял в тексте, создаваемом на протяжении шести лет. Уверен: история интересна и значима именно моментом, его оценкой в «миг свершения». А через год, два, десять лет оценки могут поменяться. Изменялись на протяжении всего периода работы над книгой и взгляды самого автора на те или иные события, поступки личностей...

Но вот что удивительно, а может быть, досадно: когда автор готовил книгу к изданию и перечитывал написанное, его не покидало ощущение, что *все* написано *именно сейчас*, в этот самый момент, в этом месяце, в этот день, а не шесть или пять лет тому назад.

Прощальная речь Б.Н. Ельцина:

Дорогие россияне!

Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории. Наступает 2000 год. Новый век, новое тысячелетие.

Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, сначала в детстве, потом повзрослев, сколько нам будет в 2000 году, а сколько нашей маме, а сколько нашим детям. Кажется когда-то – так далеко этот необыкновенный Новый год. Вот этот день и настал.

Дорогие друзья! Дорогие мои! Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам, как Президент России. Я принял решение. Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку.

Я много раз слышал – «Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст». Это – вранье. Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы – в июне 2000 года. Это было очень важно для России.

Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного Президента России другому, вновь избранному.

И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

А мы – те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти. Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед.

И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть Президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее!? Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?

Нет, это не по мне! Не по моему характеру! Сегодня, в этот необыкновенно важный для меня день, хочу сказать чуть больше личных своих слов, чем говорю обычно.

Я хочу попросить у вас прощения.

За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело.

Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем.

Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали. Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал все что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

В соответствии с Конституцией, уходя в отставку, я подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства Владимира Владимировича Путина. В течение трех месяцев в соответствии с Конституцией он будет главой государства. А через три месяца, также в соответствии с Конституцией России, состо-

ятся выборы президента.

Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян. Поэтому не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в конце марта 2000 года.

Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: будьте счастливы. Вы заслужили счастье. Вы заслужили счастье и спокойствие. С Новым годом!

С новым веком, дорогие мои!

Каникулы накануне беды

Жизнь не просто изменилась. Она изменилась до неузнаваемости. Казалось бы, лето. Все настраиваются на отдых. Ощущение отпуска становится осязаемым. Но жизнь, как и положено ей, вносит свои коррективы. Это уже порочная традиция. Лето не умиротворяет, а выбивает из колеи. Все ждут августа.

Политическая история демократической России удивительным образом вписалась именно в летние месяцы. А, главное, какие сюрпризы преподнесет август? В памяти вооруженная попытка государственного переворота в 1991 году, в памяти банковский кризис 1996-го, дефолт 1998-го. Прожили август, ждем тревожного сентября. И опять память проявляет контуры беды: 11 сентября 2001 года – атака террористов на Нью-Йорк, весь мир, благодаря CNN, наблюдает, как пассажирские самолеты врезаются в знаменитые башни Всемирного делового центра, превращая их в пыль, смешанную с останками тысяч людей. 1 сентября 2004 года – захват террористами средней школы в Беслане: в заложниках 1128 человек, при штурме – 335 погибших, из них 186 – школьники.

Другие месяцы года тоже не располагают к спокойствию. Начнешь листать календарь и непременно наткнешься на трагедию: взорвали, убили, сгорели, отравились, зарази-

лись... Август 2008 года. Южная Осетия. Два дня войны с Грузией, членом СНГ. Поневоле станешь считать август и осень зоной неблагополучия, вопреки обратным утверждениям власти.

2003 год. 27 сентября. Сочи. Дагомыс

Ежегодный журналистский форум, который собирает Сева Богданов, председатель Союза журналистов России. Разговариваем по телефону. Приглашает быть обязательно.

Прилетел, встретили, доставили, поселили. Спрашиваю:

– Что дальше?!

Отвечают:

– Это знает Богданов. Он сейчас на переговорах с делегацией Туниса. А пока отдыхайте.

– Спасибо, только я сюда работать приехал. Ну, а как у вас здесь вообще?

Этот вопрос задаю советнику Всеволода Богданова, когда мы только вошли в отель. Может быть, узнаю детали? Кто приехал? Какие встречи? Ответ сразил наповал:

– У нас все прекрасно. Температура воздуха 26, воды – 24. Купаться можно и ночью. Отличная вода.

– Н...да. А какие события?

– В понедельник организовал прием мэр Сочи. Вчера ответный – Богданов. Сегодня кавказский день. Кавказская кухня.

– Замечательно, тогда я пошел.

– Да-да, отдыхайте.

Иду по коридору и напеваю.

Тунис. Тунис. Вот, где надо бы отдохнуть. А что? Вполне. И отдохнуть, и на святыни русского Флота поглядеть. И на пальмы среди песка. Нет. Африка – не для меня. Жарко. Ловлю себя на мысли, а точнее, на состоянии души: какое-то устойчивое беспокойство. И это уже более пятнадцати лет.

Я не могу сказать, что моя прошлая жизнь была благостной и не насыщенной. Отнюдь. Я был главным редактором одного из самых популярных изданий – журнала «Сельская молодежь». Уточню, что лишь два журнала – «Новый мир» и наш были в ту пору под опекой сразу двух цензоров. Один цензор у нас был в издательстве «Молодая гвардия», на базе которого печатался журнал, другой – в центральной цензуре Главлита в Китайском проезде. Каждый месяц перед выходом журнала в свет я проводил 3-4 часа в главной цензуре, отстаивая материалы номера. И так почти двадцать пять лет. Можно себе представить накал столкновений, который случался там. Нет, цензура никому не жаловалась. Она вершила казнь сама. Нервозность отношений была постоянная. А столкновения с ЦК КПСС! Это у меня Михаил Андреевич Суслов, вошедший в историю как серый кардинал партии коммунистов, своим постоянно дающим «петуха» тверским говором спросил: «Товарищ Попцов, не кажется ли Вам, что Вы издаете антисоветский журнал?» И товарищ Попцов ответил: «Не кажется, Михаил Андреевич». Да что там гово-

ритель, лихое было время всевластия Советов и КПСС. Четырнадцать выговоров. Я держал копии их текстов под стеклом на письменном столе, за которым работал. Два раза на бюро ЦК ВЛКСМ ставился вопрос о моем освобождении. И два раза Евгений Михайлович Тяжельников (первый секретарь ЦК ВЛКСМ) оставался в одиночестве с поднятой рукой. Все остальные члены бюро либо «воздерживались», либо голосовали «против». Скажу честно, быть участником подобной экзекуции, даже когда ты выигрываешь, твое творческое состояние на грани взрыва. Работаешь в режиме нервной взвинченности: *они* не уймутся. А поэтому будь готов: завтра все повторится снова. Да, это был вызов. Вызов разуму. Кстати, работа первым секретарем Ленинградского обкома комсомола, а затем в ЦК ВЛКСМ тоже не была миром спокойствия и бесконфликтности. Иначе говоря, все было: потрясения, конфликты, диктат несправедливости. Почему я затеял этот разговор? По одной причине: все познается в сравнении. Не в параметрах «хуже – лучше», а в совсем иных устремлениях. Иная составляющая – востребованность идеи, на которую нацелен. Идеи объединения, разъединения, свободы, авторитаризма – неважно. Главное: идея должна быть. Деньги не могут быть идеей. Деньги – вирус, уничтожающий идею. Хотя без денег идеи реализовать трудно. И тогда, при социализме, и нынче, при минус капитализме. Здесь нестыковка, здесь разлад. Я часто слышу: раньше мы жили, трудились и знали «зачем». Во имя че-

го. А сейчас? Конечно, какое-то время хаос впечатляет, потому что создает ложное ощущение свободы. Потом приходит отрезвление, прозрение – назовите как угодно, но они неминуемо приходят. Что это? Дань времени? Его особенность или болезнь? А какая разница? Разве болезнь не может быть особенностью времени? Такое впечатление, что любой замысел, даже в том случае, когда он бесспорен, провиснет, и власть, не признавая этого во всеуслышание, внутренне мечется, не находя ответа – почему. Почти всякая новация принимается населением в штыки. Реформы медицины, образования, науки, управления, пенсионного обеспечения, земельной собственности, лесной кодекс отторгаются обществом. Не прибавляют согласия, а усиливают разобщенность. Кто-то скажет – это естественно. Такова судьба любых реформ, во все времена их приветствует безусловное меньшинство. И лишь потом, много позже они становятся уделом большинства, нормой жизни. Такая закономерность действительно существует вне зависимости от масштаба. Мы не учли, просмотрели одну характерность: успешность реформ прямо пропорциональна их локальности. Именно этим правилом пренебрегла власть в 1991 – 1992 годах. Базовые реформы экономики были проведены неудачно. Они обрушили страну. Никаких подготовительных действий, просчета ситуаций, осознания ментальности страны, ее традиций – ничего из этих опорных ценностей в расчет взято не было. Был штурм вершины, а навстречу ему случился сход лавины.

Я часто спрашиваю себя, почему все произошло именно так, а не иначе. Чуть раньше с концепцией экономической реформы выступил Григорий Явлинский. Его реформа называлась «Программа 500 дней». Возможно, именно этот проект чистых амбиций на фоне абсолютной экономической безграмотности масс заразил реформаторов абсурдными временными параметрами. И Явлинский, и Егор Гайдар, и Анатолий Чубайс, и Андрей Нечаев были людьми одной возрастной генерации: 30 – 35 лет. Самый «штурмовой» возраст. Явлинский предложил изменить большую страну за 500 дней, а мы изменим ее еще быстрее.

А дальше зона ошибочности расширялась за счет существования двух миров. Все надо сделать как можно быстрее, чтобы народ не опомнился, чтобы не успела вызреть энергия сопротивления. Долготерпение русского народа – наш козырь, – сочли младореформаторы. И посланный на исходе СССР и социализма сигнал «быстрее, быстрее» был уподоблен новому ритмическому ряду. Естественно, все, что делается впопыхах, априори, не может быть совершенным. Критическое состояние экономики в тот момент, отсутствие золотовалютных запасов, отчетливая динамика падения мировых цен на нефть, сводимый на нет продовольственный запас страны и развал СССР, лишивший экономику импульса кооперации, все это бесспорно работало на концепцию поспешности. «Сейчас или никогда» – четкий алгоритм того времени. И, все-таки, все эти составляющие в понимании ря-

дового гражданина были некой размытой и, в определенной степени, абстрактной опасностью.

О возможности сбоев в обеспечении продовольствием в стране вслух не говорилось, но катастрофа именно такого масштаба была очевидной. Власть боялась паники, которая, в конечном счете, опрокинула бы саму власть.

Нет худа без добра. Критичность ситуации как бы оправдывала торопливость в действиях власти. Столкновение с сопротивляющимся парламентом, который к 1992 году занял враждебную позицию к любым действиям первого Президента России (а именно он был оплотом младореформаторов), вынудило исполнительную власть провести приватизацию вне законодательных актов, а опираясь только на указы Президента, которые готовили сами младореформаторы. Таким образом, непримиримая оппозиция депутатского корпуса была попросту проигнорирована.

Это только усугубило ошибки того периода, ибо всякая исполнительная норма, не прошедшая горнило критического оппозиционного видения, становится уязвимой. В результате два фактора: поспешность и неприятие критики со стороны предопределили неминуемость ошибок экономических реформ того времени. Причем первая составляющая в громадной степени побуждалась враждебным к реформаторам поведением большинства народных депутатов. Могло ли быть иначе? Могло. Времени на долгое раздумье действительно не было. Но отношение с парламентом могло

быть иным. В этом и заключался агрессивный политический непрофессионализм младореформаторов.

Где-то к 1993 году к реформаторам пришло понимание: реформы «буксуют», и ощущение провала (ничего не получается) стало угнетающим. Ухудшение социального климата в стране и, как следствие, возрастающая разобщенность населения, и (ох, уж этот соединительный союз «и») стремительное неудержимое падение авторитета демократии как политического идеала.

Аудитория союзников, людей верящих в демократию, как в единственный путь развития России, стала сокращаться. Еще по инерции говорилось: «Мы, конечно, за демократию, но...» Экономической успешности не было. Предприятия стояли. Образование, наука, медицина, весь инженерно-технологический мир погрузились в состояние прострации, люди терялись в догадках: почему их невостребованность стала постоянной и непререкаемой?

Именно в тот момент, повторюсь, погоняющий, уместный для спорта, но не для реформирования государства, призыв: «Скорее, скорее, скорее», стал довлеющим. И отчаянный вопрос: «Зачем? Какая надобность спешить?» получил хлесткий ответ, похожий на прямой опрокидывающий удар: «Потому что могут вернуться коммунисты!»

Коммунисты вернуться не могли. Партия рухнула, как только она лишилась статуса правящей. С этой минуты, сначала перед КПСС, затем перед КПРФ, встал вопрос не о

возвращении к власти, а о возможности в каком-либо виде сохраниться на плаву, не исчезнуть с политической арены. Провал перестройки, угрозы распада Союза, деградация экономики и пустые прилавки в продовольственных магазинах – завершающий аккорд правления КПСС не давал партии шансов на возвращение к власти. Начался массовый исход из партии ее членов, и всякие напоминания о вероятном возвращении коммунистов играли роль мобилизующих «страшилок», прежде всего, в стане самих демократов и их сторонников. Демократы шли на этот вымысел, несмотря на очевидный обратный эффект. Сам этот миф работал на КПРФ, возвращая ей иллюзорные надежды. Коммунисты всегда могли сказать: «О нашем возвращении к власти говорим не мы, говорят наши злейшие противники. Значит, мы не только существуем, мы представляем для них очевидную опасность. Вроде бы с огнем не играют. Похоже, мы и есть огонь, которого боятся демократы».

2001

Однако...

14 декабря 2001 года Президент Джордж Буш заявил об одностороннем выходе США из ПРО – договора по противоракетной обороне. «Недолго музыка играла, недолго фразер танцевал». И гимны во славу российско-американских отношений замолкли мгновенно. Путин назвал этот шаг своего американского коллеги ошибочным.

Условия соглашения позволяли одной из сторон выйти из него, уведомив о своем решении за шесть месяцев. Российское руководство, якобы, отнеслось к происшедшему спокойно. Никакой парламентской истерии не случилось.

Кто-то даже поговаривает о нашей выгоде от случившегося. Ее, разумеется, нет, но очень хорошо, что не было торга, и мы не ввязались в переговоры по этому поводу. И теперь вся ответственность за демонтаж договора лежит на Америке. Более того, случившееся во взаимодействиях РФ и КНР по вопросам стратегических вооружений позволяет России не оглядываться на Америку, а это бесспорный плюс.

Как заявил В.Путин, отказ от договора по ПРО не должен ухудшить двусторонних отношений между РФ и США. Возникшая ситуация малоприятна, но не катастрофична. Хо-

рошая мина при плохой игре. Потому что развеялся иллюзорный миф, что после 11 сентября в отношениях России и Америки наступила новая эра. С удивительной синхронностью прекратились всевозможные мечтания о взаимодействии НАТО и России. Как-то сразу потускнела инициатива и Тони Блэра о российском членстве в НАТО. Америка «дала задний ход».

Два оракула республиканской внешнеполитической концепции Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер это подтвердили.

Предчувствие мрака

Я не хотел писать эту вот главу своей книги, но обстоятельства изменились. Я оказался во главе телекомпании ТВ Центр. По вине тех же самых обстоятельств она находилась в оппозиции к преобладающим на тот момент политическим силам, олицетворяющим и власть, и предвластие. Образно говоря, обостренную оппозиционность телеканала я получил в наследство. Она была, скорее, вынужденная, ситуационная, нежели сущностная. И мне казалось, что виной всему радикальная смена власти в государстве, а вся конфликтность того времени приходится именно на президентские выборы в России после досрочного и добровольного отказа Ельцина от руководства страной. Он назвал своим преемником Владимира Путина. И Путин, никому доселе практически не известный, победил. Он, нет, не перехитрил всех. Да и такой задачи не ставилось, и навыка подобного не было. Он оказался совершенно естественным. Он начал с продолжения самого себя.

В мою комсомольскую бытность, а ВЛКСМ считался не только резервом КПСС, но и КГБ, всюду и везде, работа в «органах» воспринималась одной из вероятных ступеней на должностных лестницах. Многих в КГБ приглашали, другие шли сами, добиваясь там места, иные ждали, когда позовут. Это считалось и престижным, и рангово весомым. И хо-

тя лично у меня с этим ведомством исторически сложились непростые отношения, знакомых в той среде было достаточно. Так вот, в одном из жестких разговоров, когда КГБ никак не рассчитывало, что политическая история повернется к нему спиной, один чин, сверхвысокий в этом ведомстве, мне назидательно сказал: «Мы в этом мире для того, чтобы выстраивать порядок. Вы – писатели, чтобы разрушать и раскачивать, а мы, чтобы выстраивать». Интересно, я никогда не думал об этой вот особенности сказанного глагола «выстраивать». Не строить, не устанавливать, не созидать, а выстраивать. Это у них, у чекистов, в крови, что ли? Не строить, а ставить в строй, в линию. «На первый-второй рассчитайсь!» По локоть чистые руки и холодная с одной мыслью о порядке голова. Генерал, кстати, был достаточно образованным, пробовал сочинять стихи и «хорошую прозу», консультировал фильмы, а посему был вхож в киношные и литературные сферы. Каждый из нас – продолжение себя и только себя.

Странно, мне никогда не приходил на память этот случай. И вдруг... Казалось бы, триумфальное избрание нового президента в первом туре голосования с превосходным результатом 51%. Человека, ранее не известного, рекомендованного предшественником, популярность которого на излете не превышала 7% и которого народ в добровольную отставку проводил, практически молча, без сожаления. И вдруг – Путин Владимир Владимирович, подполковник КГБ. Из тех, кто выстраивает порядок. И, не исключено, что порядок но-

вый.

Губернаторы, на марше сменившие симпатии, поспешили немедленно отрапортовать о своей верности и, очевидно, имели расчет на безусловную ответную благодарность нового президента. Будем справедливы, именно губернаторы сделали победу Путина на выборах бесспорной. И перелом настроений губернаторов в пользу Путина Березовский считал своим главным достижением.

Резкий отрыв в общественных симпатиях, который продемонстрировал Путин, насторожил губернаторов. Складывалась ситуация, при которой Путин мог одержать победу и без их помощи. Возможно, не такую внушительную, но выигрыш был реальный. И губернаторы решили не рисковать, не распылять свои симпатии.

Я часто теряюсь, услышав очередной вопрос, как следует относиться к новому президенту. Уважительно, как требуют того конституционные нормы, когда ты воспринимаешь персону через призму ее функциональных отношений? Все-таки, без спору – всенародно избранный президент.

А может быть, с состраданием? Попал в передрагу, какая ему и не снилась в страшном сне. Вроде как и не стремился, не хотел – почти заставили, втолкнули в круг и сказали: властвуй!

Стоп! Здесь явный пережим. Что значит «не хотел»? Что значит «заставили»? Сострадание – удел слабых. А наш Путин с первых минут своей яви поставил на сильную карту.

Дал понять, что его роль – роль сильного и решительного человека.

7 августа 2000 года. Исполнился год путинскому «Я».

7 августа он сменил Сергея Степашина на посту премьер-министра России. В этот год вписалось очень многое: и премьерство мало кому известного выходца из ФСБ и кремлевской Администрации; и предвыборный президентский марафон; и сто дней Президента Путина.

Дагестанская операция, а затем и возобновление военных действий в Чечне, начало второй чеченской войны – все это премьер Путин. А вот новые тысячи жертв нашей армии, войск МВД, возобновление серых конвертов с похоронками в почтовых ящиках матерей и невест, стук о дерево и жесть вскрываемых «грузов 200» по утрам во дворах жилых домов и в селах страны, оказались уже исчислением нового Президента России Владимира Путина.

Я уже писал здесь: мы становимся суеверными, и во всякий очередной август живем, предчувствуя беду. Действительно, для России август обретает черты рокового, окаянного месяца. В 1991 году – путч; 1998 год – дефолт; в 2000-м взрыв в подземном переходе на Пушкинской площади, а спустя две недели – трагедия с АПЛ0141 в Баренцевом море. Если в 1991 году был приговорен социализм, в 1998-м та же участь постигла экономические надежды реформаторов, а в 2000 году – державные атомные амбиции ВМФ. Гибель под-

водного атомного крейсера «Курск» – кратно больше, чем крушение военного корабля. Странно, что президент, давая оценку трагедии, заметил, что генералы делают все возможное, и у него нет претензий к генералам.

А тогда, кто виноват? Увы, подобная реакция президента вне всякой критики. Не проявив должного внимания к человеческой драме, а на атомной подводной лодке погибла элита военно-морского флота, президент нанес удар по собственному авторитету в армии, каковая исчислялась солдатами, матросами, старшинами, младшим и средним офицерским составом. Путин не может этого не понять. И тогда он делает «ход конем» – он берет под защиту генералитет, тем самым определив свой опорный фундамент в армии. Объясняя свое отсутствие в Мурманске, Путин так и сказал, он не хотел мешать руководству ВМФ. Видимо, оглядываясь на президента, командующий ВМФ адмирал Владимир Куроедов тоже не хотел мешать подчиненным. А подчиненные – другим нижним чинам. Таким образом, никто не помешал гибели «Курска».

В те дни имиджмейкеры Президента упрямо повторяли, что Путин не совершил какой-либо ошибки, не прервав своего отпуска в связи с трагедией АПЛ – 141 «Курск». Однако здравость мышления исключала такое неадекватное поведение высшей власти в минуты трагедии.

Путин это понимает. И вынужденно избирает самый тяжкий в такой ситуации крест – сразу после возвращения из от-

пуска вылетает в Мурманск и встречается с родственниками и семьями погибших.

Журналистский мир, уже настроенный двухнедельным определением поступков высшей власти, пишет о случившемся неохотно: «С большим опозданием Президент...»

А по сути, все справедливо, и про большое опоздание, и про «неохоту» простить Путина его нелепой сочинской паузы, тем более что прощения-то он, как истинный чекист, ни у кого и не попросил. Политтехнолог Глеб Павловский ожесточенно клеймил столичную интеллигенцию за ее предрасположенность к истерии, противопоставлял Москве остальную страну, которая, по Павловскому, якобы считала поведение Президента, его не прерванный отпуск выверенным и спокойным, как поведение человека, не предрасположенного к панике, что в полной мере достойно для высшего лица в государстве, именуемом Россией. Впрочем, в сентябре 2000 года, отвечая в прямом эфире CNN на вопрос Ларри Кинга: «Что случилось с российской атомной подлодкой?», Владимир Путин с потрясшей мир простотой ответил: «Она утонула». И, ведь, правда, «утонула», «легла на грунт с разгерметизацией всех узлов жизнеспособности», как говорят на флоте. Не солгал Президент мировой общественности.

После «Курска» в 2000 году был еще пожар на Останкинской башне. И снова – полное управленческое и технологическое бессилие федеральной власти. Горит. И ладно.

Впрочем, суть наших рассуждений не в журналистских

придирках.

Суть в восприятии властью ментальности, сущности, собственного народа. Путину кажется, что он выходец, если не из низов, то, по крайней мере, из среды, которая знает, «почем фунт лиха». А как стал «над народом», оказавшись в «князях», так и выяснилось, а с народом-то не только говорить не о чем, общаться не всегда хочется. В тягость.

Мудрость не дается взаймы

31 августа 2001 года. 14 часов. Некое подобие политического переполоха. Евгений Примаков подал в отставку с поста председателя фракции «Отечество – вся Россия», в которой сорок пять депутатов. Разумеется, дело не в мифической значимости поста, а в политической значимости его обладателя. Примаков – почитаемая фигура. Не влиятельная, но и не сбоку припеку. Мало что решает, однако «вхож» и «может».

Итак, Примаков ушел. Совсем. Сказал слова, положенные в таких случаях на пресс-конференции, а затем я позвонил ему и предложил сделать телевизионное интервью-беседу, уточнив, что его собеседником буду я. Евгений Максимович согласился. Мы не первый раз с ним беседуем. И темы этих разговоров столь обширны, сколь и эксклюзивны. Примаков никогда не скажет больше, чем хочет сказать. Однако, как человек, не лишенный чувственности, реагирует на невыдуманную откровенность и ответно раскрывается, шутит, излучая и доброжелательность, и лукавый юмор, и несуетную мудрость.

Итак, по порядку.

«Отечество» объединяется с «Единством» и настроено создать партию центра. Хорошо, что отказались от форсированного варианта создания партии и выбрали эволюционный

путь сближения. Примаков делает паузу, смотрит на свою руку, пальцы которой отбивают тихую дробь на столе, затем так же поспешно обозначает следующую мысль.

– Я в партию вступать не настроен. Естественно, если бы я захотел и поставил перед собой такую задачу, ей бы сопутствовали и обязанности. Непременно вхождение в какие-то руководящие органы партии, политсовет, бюро или еще что-нибудь. Я этого делать не собираюсь. Я уже был и членом партии, и даже членом политбюро. Полагаю, достаточно.

Относительно «достаточно» – это уже не Примаков. Это я ему подыграл.

– Фракция состоялась, – говорит Примаков, – и профессионально, пожалуй, это самая сильная фракция и с точки зрения авторитета.

– А если начнется разлад?

Примаков был самостоятелен, что отчасти раздражало и политсовет «Отечества», и Кремль.

– Да, это так, – соглашается Примаков. – Я сразу предупредил, что не буду отдавать «под козырек», если буду считать, что парламентская реальность требует других оценок. Со мной соглашались, возможно, и без радости, но соглашались. Лужков (и ему признателен за это) поддерживал мою точку зрения. У нас с ним не было противоречий. Так мне кажется, – уточняет Примаков, как бы еще раз утверждаясь в этом мнении.

Он не просто рассуждает о своем решении, он как бы про-

щается и, как бы, дает понять, что его добровольная отставка – некий осознанный шаг в сторону.

– Посудите сами, – говорит Примаков, – во всякой работе, если даже она внешне не важна, но вам ее поручили, надо найти себя в этой работе. В прошлом я возглавлял одну из палат Верховного Совета, и вроде бы законодательный тренинг прошел. В нынешнем своем положении я оказался внутри законодательного процесса. Не «над», а именно внутри.

– Вы удобный, сговорчивый человек, вы – человек компромисса?

– Я – человек разумного компромисса, но удобным и сговорчивым себя назвать не могу.

– Не будет ни для кого секретом, вы раздражали кремлевскую администрацию, так как, будучи обостренным государственным инстинктом, были чужды всевластью менеджеров.

– Согласен, я их раздражаю, например, Волошина. Волошин внушает мысль о некомпетентности Примакова, о его старческом брюзжании, о моей якобы «прокоммунистичности». Это все из партитуры Березовского. Им не нравится, что я непримирим в очевидном факте – «вор должен сидеть в тюрьме». Сейчас, спустя два года, можно сказать: отстранение Примакова от власти проигрыш не его, а России. Примаков был способен предложить другой путь развития. Ельцин замучили несуществующей угрозой возврата в коммунистическое вчера. Выбор образа врага был точен. Прима-

кова из коммунистов, долой Примакова!

В вышедшей незадолго до интервью книге Бориса Ельцина «Президентский марафон», написанной зятем первого президента Валентином Юмашевым и еще несколькими персонами его окружения, этим событиям посвящается немало слов.

Интересна реакция Примакова?

– Вы читали? Примаков, пожимая плечами:

– Сам бы, наверное, не прочел. Побудили. Заставили прочесть.

– Ну, и как?

– Я почти уверен, что Ельцин сам этой книги не читал. Вот, что прискорбно.

– Вы неисправимый идеалист, – замечаю я.

– Может быть. Все-таки он был президентом и мне лично говорил совсем другие слова. Знаете что?

– Знаю, – перебиваю Примакова. – Вам обидно за собственную порядочность.

– Может быть, – отвечает он раздумчиво. А затем лукаво улыбается. – Может быть.

Я никогда не скрывал своих симпатий к этому человеку. Так бывает, вас нельзя назвать друзьями в общепринятом смысле этого слова. Вы не дружите семьями, но однажды, встретившись, вполне возможно даже в официальной обстановке, какая-то искра вспыхивает, пробегает меж вами, и вы чувствуете, что очень хорошо понимаете друг друга. Более

того, странным образом отчего-то предрасположены друг к другу. Нечто подобное случилось и в наших отношениях с Евгением Максимовичем Примаковым. Общаясь с ним, вы не чувствуете, нет, угадываете порядочность этого человека, вы погружаетесь в нее. Любой шаг, любую мысль, любой поступок Примаков пробует на оселок порядочности, как пробуют лезвие бритвы, дабы быть уверенным, что инструмент в безукоризненном состоянии и сбреет все.

В Примакове поразительно сочетаются два свойства: осторожность (здесь и опыт разведчика, и практика дипломата) и решительность. Весь мир помнит поступок председателя Совета министров России Евгения Примакова, когда он 24 марта 1999 года, направляясь с официальным визитом в США, приказал немедленно развернуть свой самолет над Атлантикой, узнав по телефону от вице-президента США Альберта Гора о том, что принято решение по весне или в начале лета бомбить Югославию. Боже! Какой начался визг в либеральных СМИ! Надо было лететь, встретиться с президентом США, воспользоваться трибуной ООН и пригвоздить американцев к столбу позора. Примаков рассудил иначе. Все действия Америки в Югославии, все действия стран НАТО – вне норм Организации Объединенных Наций. В этом суть вопроса. НАТО претендует на установление мирового порядка вне контактов признанных международных организаций. Иначе говоря, нового порядка. Примаков, по сути, тогда в вакханалии полной сдачи федеративного со-

юза славянских государств на раздробление и разграбление Западом и радикальным исламизмом, был единственным из крупных политиков, кто не просто «щелкнул» по носу, но и дал «пощечину» «другу Биллу» – президенту США Биллу Клинтону.

Но очень скоро почувствовалось, что в отношениях Ельцина и Примакова стала появляться абсолютная официальность, которая не присуща единомышленникам.

Все это продолжалось до известного интервью Бориса Ельцина. На вопрос журналиста: «Есть ли у президента вопросы к правительству и устраивает ли его нынешний премьер?» – Ельцин ответил:

– Пока устраивает.

Примаков в тот же день среагировал на этот плохо скрытый выпад Президента:

– Если у Бориса Николаевича есть вопросы к правительству, он может их задать. А чувствовать себя временным премьером я не собираюсь.

С этого момента уже ни у кого не было сомнений, что в ближайшее время Евгений Примаков уйдет.

Слухи, которые распространялись в первые месяцы работы Примакова, были один невероятнее другого; что, дескать, вот-вот начнутся аресты олигархов; что Примаков намерен провести национализацию и пересмотреть итоги всех залоговых аукционов. Ни у кого уже не было сомнений: мир криминального бизнеса напуган и готовится к контратаке. А что

же было на самом деле? И что удалось, и что не удалось премьеру Примакову?

Сами за себя говорят данные социологических опросов. Только 7% опрошенных россиян одобрили отставку Примакова, 70% – отнеслись к ней отрицательно. И тотчас же стало ясно: при столь негативной реакции общества к отставке Примакова назначение на смену ему любого другого человека вызовет, в лучшем случае, сдержанное отношение.

Так и произошло. Назначение новым премьером Сергея Степашина поддержали лишь 19%, не поддержали – 34% населения. 47% участников опроса остались безразличными к его назначению.

Примаков в этом смысле был уникален. Он оказался единственным политическим лидером, по отношению к которому доля доверяющих ему в 3,5 раза превышает количество тех, кто ему не доверял. Мы говорим о настроениях июня-августа 1999 года, спустя месяц после того, как Примаков был отправлен в отставку. И тотчас общество заговорило о выдвижении кандидатуры Примакова в президенты. На фоне других кандидатов Примаков выглядел попросту несопоставимо. Популярность Примакова в тот момент опиралась на внушительную поддержку всех социально-профессиональных групп, особенно среди служащих, пенсионеров, гуманитарной и творческой интеллигенции, военнослужащих.

Сегодня аналогичным раскладом симпатий располагает только В. Путин и, возможно, Ю. Лужков. За «хорошие гла-

за» не любят. Мы часто спорим: что сделал Примаков?

Я отвечу. Он вселил надежду, и первой ласточкой реальной надежды была стабильность. И теперь подробнее, что связывали граждане России с именем Евгения Примакова, ставшим премьером России. Это – тоже результат социологических опросов, проведенных в начале 1999 года.

В понимании сограждан Примаков – это реальная возможность выйти из затянувшегося кризиса через стабильность и согласие в стране, подъем экономики, преодоление нищеты путем соединения рынка и государственного регулирования, возрождение авторитета России в мире. И, что особенно бросалось в глаза, вера сограждан, что именно Примаков, не запачканный личным корыстным интересом, начнет масштабную борьбу с коррупцией.

Нет, Примаков не собирался проводить национализацию, но провести серьезную ревизию результатов приватизации он хотел. Общество увидело в Примакове высокого профессионала – государственника.

Восемь месяцев – это не срок для правительства, и все же они не прошли бесследно. Появление Примакова во главе правительства постепенно стало сводить на «нет» конфликт между Думой и исполнительной властью. Теперь надо было любой ценой, если не остановить, то добиться отрицательного голосования по объявлению импичмента президенту.

Позиция Примакова, отрицающего импичмент, которую он постоянно оглашал, имела свое воздействие. Голосование

состоялось, чем Ельцин был недоволен и внутренне винил в этом Примакова. Но импичмент не прошел. Сразу после голосования было заявлено, что здесь уже постарались ближайшие клеветы Ельцина, что Примаков здесь ни при чем, и провал импичмента — заслуга совсем других людей, в частности, В.Ю. Суркова. Но непреклонная позиция Примакова, которому большинство Думы доверяло, сыграло свою роль.

Его самостоятельность никогда не была теорией, продуктом риторики. Он был самостоятелен в поступках. И в известной, уже упомянутой мною, истории с разворотом самолета, в котором летел в США на переговоры. Он остался Примаковым, когда дал согласие выступить на стороне защиты президента Югославии Слободана Милошевича в Гаагском суде. Именно Примаков на третьем Съезде народных депутатов СССР, который состоялся 12 – 15 марта 1990 года, голосовал против отмены шестой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС. Примаков понимал, что приговаривают не партию, приговаривают СССР. И он был прав. И всякая пустозвонная полемика, что Союз развалил Ельцин или Беловежское соглашение, не выдерживает никакой критики. Союз, говорю я вам, и это факт неопровержимый, развалило решение Съезда народных депутатов СССР об отмене шестой статьи, определявшей КПСС как руководящую и образующую силу страны. 18-миллионная партия играла роль каркаса страны. Каркас изъяли, и громада, именуемая страной, развалилась.

Примаков, сторонник активной эволюции, всегда был против всяческих революционных потрясений. И, может быть, поэтому, возглавив внешнюю разведку и придя туда совсем из чуждой академической сферы, Примаков там стал своим.

А на вопрос корреспондента, «почему вас приняли там, как своего?», ответил:

– Я сразу решил для себя, что иду в это ведомство не для политического надзора, а для работы. Профессионалы поняли, что я не разрушитель. Я старался сохранить разведку, приспособив ее к новым условиям работы. Важнее было сохранить кадры.

И вот тут самое главное в ответе, характеризующем Примакова как профессионала: «К тому же, разведка – это, прежде всего, аналитическая работа. И я понял, что могу быть полезен».

И естественно, профессионалы оценили профессионала.

И еще один вопрос из того же интервью: «Когда вы возглавляли правительство, у населения появилась надежда, что вы покончите с коррупцией».

Ответ Примакова: «Нам не хватило времени. Мы же не могли и не хотели прибегать к репрессиям, чтобы в считанные дни «предъявить результат». Мы сумели выявить факторы и источники коррупции. Но Семья восприняла это как угрозу. Борис Березовский тотчас же заявил, что мы даем сигнал к репрессиям».

Ельцин боялся Примакова, относился к нему настороженно. Примаков никогда не переступал допустимого порога. Он не был близок ни к семье Горбачева, ни к семье Ельцина. И эта дистанция, установленная Примаковым, а не Ельциным, вызывала подозрение у Бориса Николаевича.

12 мая 1999 года Ельцин подписывает указ об отстранении Примакова от должности председателя правительства РФ.

Я помню рассказ Примакова:

«Он вызвал меня. Сказал, что он меня очень ценит. Но на него давят бизнесмены, политики и он должен принять решение. Я не стал ему ничего объяснять. Да и зачем? Я понимал, что совершается ошибка. Но он уже принял решение. Когда мы прощались, он обнял меня и сказал: «Давайте останемся друзьями!»

Когда я делал фильм о Примакове, я воспроизвел этот сюжет и сделал закадровый текст таким, какую ассоциацию вызвала у меня эта сцена прощания: палач заносит топор над жертвой и, наклонившись к уху приговоренного, вознося глаза к небу, шепчет: «Будешь там, помолись за меня!» – и опускает топор...

17 августа 1999 года Примаков объявил о своем согласии возглавить блок «Отечество – вся Россия». Это было воспринято на «ура!». Но затем ситуация изменилась. Появилась необходимость объединения этого блока с фракцией «Единство» в парламенте. И принципиальный Примаков принима-

ет решение покинуть свой пост. У него появились расхождения с более прагматичным Юрием Лужковым.

Ирина Хакамада так прокомментировала в то время уход Примакова с поста руководителя фракции: «Очень часто Примаков занимал принципиальную и жесткую позицию с уклоном в левый центр, не совпадающую с более радикальными правыми взглядами «Единства», как правило, обслуживающего власть. Это мешало процессу объединения фракций».

Характеризуя этот поступок Примакова, следует вспомнить реплику Александра Андреевича Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». В этом весь Примаков.

И снова фрагмент из интервью, которое дал Примаков вскоре после этих событий:

«А с Юрием Лужковым, какие у вас сегодня отношения? Ведь по вашим собственным словам, о слиянии «Отечества» и «Единства» вы узнали из газет? Получается, вас «кинули»?»

– Я не член «Отечества» или любой другой партии. Я исхожу из того, что Лужков принял ту реальность, которая существует. Отношения с Ю.М. Лужковым не теряют доверительности, но каждый занимается своим делом.

Приближаются выборы президента, на Примакова оказывается громадное общественное давление, чтобы он выдвинул свою кандидатуру. До последнего момента Примаков

воздерживается от заявлений. Высокие рейтинги Примакова начинают раздражать власть, тем более что в Кремле вынашивается совсем иной сценарий действий.

Примаков слишком значимая фигура и будет представлять реальную опасность для кандидата власти на выборах. И тотчас дается отмашка на дискредитацию Примакова в СМИ. За это дело с удовольствием берется Березовский. На телеэкране появляется обличитель в лице Сергея Доренко, чуть ранее он, в буквальном смысле этого слова, уничтожал Лужкова, когда на выборах в Думу 1999 года «Отечество», партия, созданная Лужковым, стала представлять реальную угрозу для «Единства».

Травля была безудержной. Непостижим и формат травли: 100% лжи. Но ни кабинет министров, ни Кремль, ни ЦИК не вмешались в это безумие, а спокойно наблюдали за развитием событий. Кстати, в то время премьером уже был Владимир Путин.

Для Примакова это стало адovým испытанием. В одной из бесед он признается: «Я никогда не сталкивался с таким количеством предательств. Никогда». И тогда он окончательно отказался от участия в президентских выборах. Он понял, что его блок, который он еще недавно возглавлял, не поддержит его на выборах. И Примаков снимает свою кандидатуру с дистанции президентских гонок.

Далее следует временная пауза. Страна избирает нового президента. Им становится Владимир Владимирович Путин.

Ельцин еще раз удивил мир. Мы так и не получили ответа, почему Путин, а не кто-нибудь другой? Судя по неожиданности и алогичности, это решение самого Ельцина. Оно мне напоминает историю с кандидатурой вице-президента, когда из всех мыслимых и прогнозируемых вариантов Ельцин выбрал немыслимый: Александр Руцкой. Как показала жизнь, эксперимент оказался малоудачным. И дело даже не в трагических событиях 1993 года, главным организатором которых и стал вице-президент, перейдя на сторону мятежников. Абсурд в другом: канула в Лету сама должность вице-президента. Страх Ельцина перед возможным оппонентом в будущем заставил его вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Россия отказалась от американской модели управления страной, которую двумя годами ранее приняла с восторгом, и перешла на французскую – президентскую республику без вице-президента. Это было большой ошибкой, учитывая авторитарность власти.

11 сентября 2001 года.

Страшный день. В Нью-Йорке на «глазах» телекамер CNN пассажирские самолеты врезались в «башни-близнецы» Делового центра – символа мегаполиса, одного из символов США. Миллионы людей в мире смотрели этот ужас впрямую. Около трех тысяч погибших, почти семь тысяч ранены – граждане 96 государств. День аттестован, как начало трагического столетия. В «штатах» беда всемирного масшта-

ба, а мы в Ялте, где под «бархатный сезон» организован телевизионный форум. Восприятие случившегося интеллигенцией, преимущественно московской, было подавленно истеричным. С нервными хождениями по номерам и холлам гостиницы, по пляжу, потиранием измученных в раздумьях о судьбах Родины и мира рук. «Допрыгались», – это в адрес американцев. «Все им нипочем. Весь мир – под ноготь. Вот теперь вы закукарекаете, голубчики».

И тут же, поймав чей-то недоуменный взгляд, с некоторым пафосом: «Ну, конечно же, это ужасно! Невероятно! Наше сочувствие с ними. Завтра мы начнем с минуты молчания.

А режиссер Сергей Соловьев нервно пучит глаза при этом. Он – председатель кино-жюри: «Господи, началось другое столетие. Мир еще этого не понимает, но с этого момента мы живем в другом мире. Каком?!»

– Спроси что-нибудь полегче. Откуда я знаю, в каком? Знаю и понимаю – другом. Правила жизни в котором еще не известны никому.

Пусть в меньших размерах, но мы пережили такое, когда в Осетии, а затем в Москве одно за другим были взорваны три жилых дома. Так вот, потрясло совсем иное: внезапное понимание истины, что видимого врага нет. А если так, то враг везде, отовсюду и в любой момент может нанести удар. Эта опасность исходит, прежде всего, от исламского мира. А он насчитывает свыше 1 млрд. человек. Понимание столь

неисчислимой опасности случилось почти мгновенно.

Но эта беда объединила цивилизованный мир. Более того, позиция, которую занял президент Путин, есть новая эра в отношениях России и Запада, России и США. Спору нет, наш Президент повел себя достойно. Он безоговорочно поддержал Америку в ее решимости бороться с террористами до конца, высказав не только моральную поддержку, но и обозначив программу общих с Соединенными Штатами действий против единого врага. Такое в политики России случилось впервые.

7 октября 2001 года.

Операция «Возмездие» началась. Авиация США и союзников наносит бомбовые и ракетные удары по Афганским провинциям, где засели талибы. Удары называются «точечными». Их технология опробована во время Первой мировой войны. Но американцы гордятся ею до сих пор. В Первую мировую у бомбардировщиков были значительно ниже скорости и бомбы сбрасывались вручную – именно на тот объект, который надо было уничтожить. А сейчас походи разберись, насколько бомбардировка «точечная», а насколько – «ковровая». После «разгрузки» авиации – в работе спецназ. Его задача удручающе очевидна: изловить Бен Ладана, а вместе с ним наиболее значимых исламских экстремистов.

Но вот что опасно. Беназир Бхутто, бывшая глава Пакистана, высказала чрезвычайно важную мысль: «Действия су-

хопутных сил, какими бы они ни были: на стороне Северного альянса или в любой другой вариации, очень скоро объединят афганцев против общего врага, каковым будут объявлены американцы, как захватчики, как агрессоры и поработители. Потом, когда они вынудят американцев уйти, в этом мало кто сомневается, Афганистан вновь погрузится в межклановую резню». Питать на этот счет какие-либо иллюзии – достаточно наивно. Афганистан – есть Афганистан. И уж кто-кто, а Россия это знает. Да и у самой Чечня до сих пор в огне.

Война с талибами – это не только поиски Бен Ладана. Это, прежде всего, проамериканские интересы, и афганское правительство готово эти интересы отстаивать. Талибы пришли к власти, и были выпестованы Америкой как антипод советским войскам. Антироссийские настроения появились после пребывания в Афганистане ограниченного контингента советских войск. Мы уходили и вынужденно и здраво, но понимали: отдаем Афганистан США. После ухода советских войск он неминуемо станет зоной американского влияния. Какое-то непродолжительное время так оно и было. Но достаточно скоро ситуация в Афганистане стала неконтролируемой.

Афганистан превратился в очевидную угрозу, как для России, так и для Америки. Совершенно очевидно, что события 11 сентября, и реакция на них со стороны России для Бен Ладена и всего исламского экстремизма стала достаточ-

ной неожиданностью. Исламистам казалось, что для России достаточно своей Чечни, и долгое время они играли против России, используя Совет Европы, на поле гражданских свобод и соблюдении прав человека. Запад не хотел возводить Чечню в ранг территории открытого терроризма. События 11 сентября 2001 года в Америке вынудили Запад посмотреть на Чечню под углом необходимости ликвидации терроризма и его очагов.

18 ноября 2001 года.

После начала интенсивных ударов с воздуха, которые предприняли США, войска Северного альянса поэтапно переходили в наступление и в течение месяца очистили от талибов три четверти территории Афганистана. Кровопролитных боев не было. В начале ноября бандформирования изменили тактику и стали без боя сдавать города, сохраняя силы и отступая на юг.

Узбекистан тоже добился своей цели. Цепь военных лагерей талибов вдоль таджикско-узбекской границы с Афганистаном, наконец, была уничтожена. Эти лагеря представляли постоянную угрозу.

Не следует забывать, что Афганистан является одним из самых крупных после Боливии и Никарагуа, центров по производству наркотиков. Средства от их продажи и есть главный финансовый источник существования Афганистана со всеми его составляющими.

В этом смысле и Таджикистан, и Узбекистан, однако, в неизмеримо меньших величинах, являлись перевалочным пунктом в транспортировке наркотиков в Россию, Китай и Европу. Вряд ли удастся перекрыть Афганистан, как плацдарм наркотического бизнеса. Однако переход границы наркокурьерами может теоретически убавиться. Хотя это скорее оптимистический домысел.

Таджикистан и Узбекистан, кстати, самые мощные в СНГ производители наркотического сырья. В этом смысле таджикскому руководству даже выгодно говорить, что вся «дурь» поступает из Афганистана.

Американцы уже не надеются найти Бен Ладена при помощи спецопераций высококлассных войсковых команд. Сенат США назначил выкуп за обнаружение следов Бен Ладена в \$ 5 млн. Поможет ли это? В полной мере, вряд ли. Но то, что Бен Ладен почувствует себя менее уверенно, факт.

Интересно в этом отношении свидетельство пакистанского журналиста Тайсира Аллюни, представляющего телевизионную компанию AL JAZEERA (Аль Джазира). Вот что он сказал: «Я встречался с Бен Ладеном несколько раз. Раньше у него была спокойная и очень мелодичная манера говорить. Но все изменилось. Сначала его черная как смоль борода стала совсем седой. И не меньшая трансформация произошла с речью. Речь стала отрывистой и взвинченной, и сам Бен Ладен выглядит подавленным и загнанным человеком». Восток – дело тонкое. Верить этим откровениям, хотя они

вполне реально рисуют картину, очень опасно.

Интересная деталь. Последние десять лет мы жили осознанием того, что все самое главное в мире происходит в России и, в крайнем случае, на пространстве бывшего СССР. Мы утратили интерес к международным событиям. Закрывались международные журналы, отделы, редакции, эфирные программы. Спрос рождает предложение. Спрос упал. Интерес не пропал вообще, но сократился на порядок.

Заграница интересовала нас как место отдыха или работы, куда мы устремлялись стройными рядами. Там лучше – это факт, но все события происходят здесь. Мы этих событий боимся и от них бежим. Впоследствии этот исход войдет в историю и обретет свое название: четвертая или пятая волна русской эмиграции. После трагедии 11 сентября 2001 года мы поняли, что зарубежье и его жизнь – это не информационный гарнир к нашим вечным проблемам. Что делать? И кто виноват? А судьбоносный процесс, способный опрокинуть и взорвать мир?

2002

И скрытое стало явным

6 – 9 января 2002 года.

Сразу после Рождества президент Путин совершил некое странствие по святым местам. Он побывал в древнем Великом Устюге, Ярославле.

Разумеется, странствие было цивилизованным, на машинах и вертолетах. Вообще, меня искренне удивляет столь быстрое погружение в православную веру вчерашних коммунистов, причем, коммунистов никак не рядовых. Когда вчерашний секретарь обкома партии неистово крестится, будучи в сверхсолидных годах, меня это настораживает.

То, что Борис Ельцин повернулся к православной церкви лицом, деяние благородное. Почему он это сделал, – удивительно, потому как команда младореформаторов в силу своей агрессивной прагматичности никак не напоминала двенадцать апостолов. И вдруг такое почитание веры. Удобность? Политическая выгода? Раскаяние? И первое, и второе, и третье.

Ельцин нуждался в поддержке. При его противоречивости и бунте против КПСС он нуждался в некой компенсационной силе. Он понимал, а точнее, чувствовал, что одних

демократических сил ему недостаточно. Поэтому шаг в сторону церкви был и интуитивным, и продуманным.

И еще общество находилось в состоянии раскола и смуты. Рухнул диктат партии, новая вертикаль рождалась в муках, демократы совершали безумное количество ошибок. Объединяющая национальная идея отсутствовала. Возвращение объединяющей силы православия, пусть даже в усеченном варианте, было залогом развития на будущее.

И то, что церковь в критический момент не отвернулась от государства, а даже стала побудителем мира внутри его — есть факт очередной правоты Бориса Ельцина.

И, наконец, раскаяние. По стечению обстоятельств, именно секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н.Ельцин отдал распоряжение о разрушении дома Ипатьева, куда большевики-ленинцы вывезли последнего русского императора Николая II и где он был расстрелян чекистами вместе со своей семьей, включая детей.

Но, так или иначе, этот стиль некоего согласия светской власти и православной церкви возобладал. И новый президент Владимир Путин продолжил его даже, я бы сказал, с большей личной истовостью.

Блажен, кто ворует

Где-то в середине новогодних каникул, не помню, уж какого года, мне позвонил Александр Владиславлев. Назовем его условно: главный идеолог движения «Отечество», которое только что создал Юрий Лужков. О Владиславлеве говорят по-разному. Он действительно участвовал в создании разных движений и партий, которые редко добивались успеха. Была ли в том личная неуспешность Владиславлева, или он нарочно выбирал неудачную партитуру и малоудачных лидеров – сказать трудно. А их было несколько. Одно время он оказался в связке с Александром Руцким, затем в союзе с Аркадием Вольским. Затем тот факт, что судьба свела Владиславлева с Юрием Лужковым, был знаком, если не вещим, то в большей степени закономерным. Знакомы они были с молодых лет. А тут, как назло, вокруг Лужкова закружилась политическая интрига, и как некий политический подпор образовалось движение «Отечество».

Лужков, по сути, стопроцентный управленец, хозяйственник, довольно неожиданно оказался на пересечении высших политических интересов. Лужкову нужны были в таком малознакомом деле, как образование политической партии, свои люди. Так, на лужковской, сугубо политической орбите, и оказался Александр Павлович Владиславлев, человек легко к себе располагающий, с красивыми темными глазами,

обладающий мягким баритональным голосом, довольно легко включающийся в разговор на любые политические темы. Во всех политических образованиях, к которым он был причастен, Владиславлев играл роль идеолога.

За глаза Владиславлева злые языки прозвали могильщиком по той причине, что ни один из его амбициозных политических проектов, которые он вынашивал или к которым примыкал, не имел политического успеха. Владиславлева товарищи по неукладу упрекали в пристрастии к интригам, в ненадежности его советов, следуя которым, лидер непременно проигрывал. Говоря современным языком, Владиславлев слыл неудачным политическим менеджером. Его амбиции оказывались намного выше его возможностей. Он этого не хотел признавать, и снова и снова ввязывался в амбициозные политические проекты. На недоуменный вопрос коллег: зачем ему это нужно, он с наигранным раздражением отвечал, что ему все осточертело, лично ему ничего не нужно, у него успешный бизнес. Зачем ему эта политическая копилка на старости лет? Его пригласили, упрасивали, умоляли: «Саша, помоги. Ты зубы съел на партийном строительстве, спасай положение!» Он так и сказал мне: «Юре (т.е. Лужкову) я не смог отказать. Мы друзья с молодых лет».

Не вдаваясь в подробности, сколь велик срок дружбы, факт остается фактом: Владиславлев принял предложение Лужкова, и тотчас встал на привычную для него стезю идеолога общественного движения «Отечество». Вообще, что-

бы дать точную оценку всем успехам и неудачам движения «Отечество», надо сказать несколько слов о предыстории замысла.

Дело в том, что структуризация парламента по политическим партиям, течениям, хотя и была вполне правомерной, однако, в достаточной мере растворила в этом хаосе интересы регионов. А столице в силу ее экономического и политического положения нужна была в парламенте своя фракция. «Отечество» еще только грезилося, а поиски уже начались. Это был 1999 год, год крайнего обострения отношений между окружением Ельцина и мэром столицы. То был звездный час Бориса Березовского, когда его влияние на Семью достигло наивысшего градуса.

Именно Березовский инициировал крайнюю неприязнь Ельцина к Лужкову и практически разрушил их отношения. Не следует забывать, что до того Москва была опорой Ельцину в самые драматические для него минуты. Зная прогрессирующую мнительность Ельцина, ему стали внушать, что Лужков рвется в президенты и в узком кругу высказывается о Ельцине крайне отрицательно. Этого оказалось достаточно, чтобы Ельцин, в конце концов, занял враждебную позицию по отношению к мэру Москвы.

Изменившаяся ситуация потребовала и от Лужкова коррекции своих отношений с президентом Ельциным. Можно спорить по поводу некоторых шагов, которые предпринимал Лужков, но бездействовать он не мог. Будучи по природе че-

ловеком искренним, открытым и, плюс к тому, гордым и самостоятельным, он и действовал вполне открыто и крайне независимо. Из чего следовало, что вызов, брошенный ему ближайшим окружением президента, Лужков принял.

Прежде всего, он подчеркнуто собирал под свое крыло тех, от кого избавлялся Ельцин. С одной стороны, он понимал, что прогрессирующее ухудшение здоровья президента делает его поступки неадекватными, ситуационными, возрастает раздражительность, капризность. Ельцин начинает избавляться от людей профессиональных и умных, которые видят абсурдность происходящего и начинают высказываться по этому поводу.

Так в окружении Лужкова оказался Леонид Бочин. Почти состоялось назначение Сергея Шахрая на должность вице-премьера, но неожиданно вильнул сам Шахрай. Затем появился Сергей Ястржембский. Лужков стал не скрывать своих симпатий к опальным: генералу Андрею Николаеву, экс-главе МВД Анатолию Куликову, бывшему руководителю ФСБ Николаю Ковалеву. Как ответ на отстранение Евгения Примакова с поста премьера ему был предложен пост лидера в движении «Отечество». То есть, не исключено, что и с «подачи» Александра Владиславлева, в то время и в движении «Отечество», и в мэрии началось сосредоточение сил «бывших».

Странно, но все эти шаги воспринимались Семейей как вызов. Лужков, естественно, приглашал людей центристских

убеждений, государственников, а не либерал-демократов, имеющих отношение к команде Гайдара-Чубайса, которая тоже, в свою очередь, покидала президентское окружение. Здесь Лужков оставался верен своим взглядам. Реформы были необходимы, но проводились они с грубейшими ошибками. А потому носителей этих идей он рассматривал, как своих оппонентов.

Первый эксперимент по созданию промосковской фракции был сделан с опальным генералом Андреем Николаевым, который представлялся поначалу Лужкову как возможный лидер будущей фракции. И, выбирая между двумя генералами, Андреем Николаевым и Игорем Родионовым (экс-министром обороны, отличившимся в ночи «саперных лопаток» в Тбилиси в апреле 1988 года), Юрий Лужков сделал ставку на более молодого Николаева. Тот выборы в Госдуму выиграл. Но его амбиции, кстати, не в меру завышенные, разрушили идею московской фракции в парламенте, возглавить которую предполагалось поручить именно ему. Николаев стал создавать свое движение. Отсутствие достаточного политического опыта, авторитета среди масс гражданского населения и сравнительно недолгую историю его бунта против высшего генералитета успеха новоявленному политическому лидеру не обеспечили. И он сошел с арены борьбы за власть и влияния на нее. Более того, когда в спешном порядке было создано движение «Отечество», которое возглавил Юрий Лужков, Андрей Николаев влиться в его ряды тоже

отказался.

Обстоятельства менялись, это требовало и изменения тактики. Движение «Отечество» создавалось под выборы. И все последующие действия его лидеров диктовались условиями предвыборной борьбы. Спокойный ход событий был взорван.

Премьерство Евгения Примакова и его философия руководителя правительства резко обозначили линию фронта. Примаков, сторонник ревизии приватизации, преисполнен желанием навести порядок в стране и разобраться с экономическим беспределом. Именно Примаков во весь голос заявил о гигантских финансовых средствах, уходящих ежегодно за рубеж. Евгений Примаков поддержал идею массовой амнистии, да к тому же, имел неосторожность пошутить на заседании правительства, сказав, что тюрьмы надо освобождать: «Эти места понадобятся, – сказал премьер, – у нас достаточно людей, совершивших серьезные экономические преступления». И хотя слова были сказаны в манере злой шутки, ничего уже изменить было нельзя. Бомба брошена, и она взорвалась.

Клан людей, ставших непомерно богатыми за последние три-пять лет, понял: речь идет о них. А именно этот клан правил страной и наставлял мнительного и больного Ельцина. Однако убеждения превыше всего, Евгений Примаков не отступил, и власть имущие перешли в атаку.

Они боролись за свою безнаказанность, отчетливо пони-

мая, что все они небезгрешны. И всякая ревизия их страшила. Отсюда эти вопли о том, что прольется кровь, и страна не выдержит второго передела собственности. И никого из них абсолютно не волновал тот факт, что страну, государство обокрали. Говоря языком одного из известнейших ныне олигархов, а эти слова он произнес в самом конце 80-х, создавая известнейший в те времена крупный банк: «У такого государства стыдно не украсть». Вот над кем Евгений Примаков занес руку.

Мог ли он, будучи премьером, выиграть эту схватку? После дефолта, после легковесного миниатюрного Сергея Кириенко, он даже внешне выглядел как тяжеловес, хотя по габаритам никогда не относился к крупным мужчинам. У Примакова вообще внешность умного и убежденного человека, не умеющего пританцовывать перед начальством. У него даже в лице угадывается весомый коэффициент сопротивления.

Так вот, сумев принести в страну стабильность после дефолта, Евгений Примаков имел все основания стать человеком, способным спасти Россию. Для этого ему надо было прорваться сквозь паутину обманчивых социологических опросов непосредственно к народу. Что же случилось? Ну, прежде всего, конечно же, возраст даже безотносительно к состоянию здоровья. В такие годы мудрость компенсирует напор, но это, скорее, внутреннее проявление, а на виду – проявления внешние. И больной президент превращается в

некую тень возможного. А они с Примаковым почти одногодки.

Заметим, что Примакова остановили не младореформаторы и генерация идущих им вслед. Против Примакова поднялась криминальная среда, взошедшая на поле реформ и поразившая все клетки власти в центре и на местах. Против Примакова поднялся криминализированный административный ресурс.

Другой вопрос, почему ряд сторонников движения «Отечество – вся Россия» стали покидать его, переходя под флаги «Единства», хотя в связке с Юрием Лужковым был и губернатор Питера Владимир Яковлев, и президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Я думаю, дело не только в страхе губернаторов: а если проиграем, что тогда? Просто многие из них были в достаточной мере коррумпированы, и они боялись Евгения Примакова. Но это только часть якобы страха. Сработала извечная зависть к Москве как региону и нежелание ее усиления. Конечно же, дала результат и грязная пиар-кампания против Лужкова и Примакова. На выборах в Москве ее результат был практически равен если не нулю, то максимум пяти процентам.

В России все сложнее, иначе. Регионы завидуют успешности Москвы, и эта зависть продуцируется в коридорах региональной власти. При всех изъянах и Татарстан, и Санкт-Петербург, и уж, конечно, Москва регионы более успешные, нежели подавляющая часть России. Скажем честно,

немного губернаторов, заявивших вначале о своей поддержке ОВР, сохранили ему верность в ходе выборов. И, тем не менее, несмотря на травлю, черный пиар, который организовали против «Отечества» федеральные телевизионные каналы, ОВР на выборах в Государственную думу добилась очень внушительного результата: почти 14,5%. И этого добилось движение, которое было создано всего за девять месяцев до выборов.

Очень долгое эхо

8 – 9 апреля 2002 года. Некая конференция-симпозиум.

Власть прессы или пресс власти. Устроители: Союз правых сил (СПС), Гарвардский университет США и факультет журналистики МГУ.

Когда я вошел в зал, сама его атмосфера, поведение участников, обилие телекамер, – все вместе как бы вернуло меня в события десятилетней давности. Те же проблемы, то же пророчество катастрофы. Зал импульсивный – сказывается присутствие студентов. Десять лет назад были менее вальяжные президиумы (панель выступающих) и уж точно не звучала в таком обилии английская речь.

Устраиваюсь в глубоком кресле, меня узнают, здороваются, и я в ответ приветствую знакомых и незнакомых тоже. Вопросы похожие: «Вы меня помните? Белый дом, август 91-го...» или «Ваша книга «Хроника времен царя Бориса» – настольная книга в нашей семье». Нескончаемые рукопожатия, вялые, жесткие, рассеянные ответы, кого-то узнаю, но в большинстве своем смытые временем лица, поседевшие головы, излишняя полнота или старческая сутулость.

«Да, разумеется», – отвечаю я. – «Конечно, узнаю. Конечно, помню». А как признаться в обратном? Диктую свой телефон. Зачем диктую? Знаю наверняка то, что будет предложение какой-нибудь передачи, вот и крутись тогда. Пере-

дача, наверняка, так себе.

Каждый из нас несет на своих подошвах пыль пройденных дорог. Каждый из нас мечтает повторить и пережить еще раз лучшие минуты своей жизни. Не всегда осознавая, что торжество наших прошлых замыслов теперь мало кому интересно. Как объяснить секретарю, кто и что? Машинально улыбаюсь в ответ, а затем говорю: «Так и объясните: был разговор на конференции «Власть прессы или пресс власти». Мой собеседник смеется: «Вы это серьезно?»

– В полной мере. Очень удачный девиз.

Вслушиваюсь в слова выступающих и не могу понять, а где это я? В десятилетней давности? Или эта давность в нетронутом виде переместилась в этот тесноватый зал гостиницы «Ренессанс»? Удивительное свойство этого зала. Даже когда он совершенно пуст, все равно выглядит тесноватым.

Разумеется, я понимаю, в чем дело. Время уподоблено реке, несущей свои воды с разной скоростью, а проблемы – речному дну, которое сглаживается, углубляется, либо наоборот, когда речной песок переносится с места на место и река мелеет, остается признать, что времени не под силу тяжкий груз проблем.

На симпозиуме не было полемики, было простое изложение точек зрения. Есть свобода слова в России или ее нет? Она убывает или остается в неизменном состоянии? Есть диктат власти, но есть и диктат олигархов. Прозаический вопрос, что лучше? Ответ плывет. Теоретически и то, и другое

плохо. Критикуют некую атмосферу давлений, хотя у олигархов много проблем, а руки до подконтрольных СМИ не всегда доходят. Это утверждение вызывает смех в зале: а Гусинский? а Березовский?

С властью вроде все ясно, она должна давить, и она давит. И, если вы попытаетесь утверждать обратное, смех в зале будет еще насыщенней. Так сложилось исторически: свободу слова подавляет власть. Поэтому противники обозначены объемно и без каких-либо видимых перемен.

Министр печати М. Лесин, владелец рекламного холдинга «Видеоинтернейшнл», приостановил свое главенство в нем. В извечный конфликт добавил еще одну краску: свободу слова наравне с властью и собственником СМИ, т.е. олигархами губят сами СМИ, т.е. редакторы и журналисты. Отсюда вывод: опасности равноценны, свободу слова надо защищать и от власти, и от журналистов.

Недурственное открытие для 2002 года, сделанное министром печати и средств массовой информации. И опять мозг сверлит настырная мысль: ничего завоеванного раз и навсегда не бывает. Борьба за свободу слова в «девяностых», иначе говоря, в последнем десятилетии двадцатого века, и борьба в первом десятилетии века следующего – это две разных борьбы за свободу слова. В чем же разница? Согласимся, что во все времена борьба за свободу слова велась с собственником. В нашем недалеком прошлом этим собственником была партия. ЦК КПСС и его свита, принимавшая различ-

ные обличья: то правительство, то ЦК ВЛКСМ, то профсоюз, то творческие союзы и т.д. Теперь этот собственник, как и его разноликость, почтили в бозе. На временном переходе эту собственность перехватило государство, но застигнутое реформенным штурмом, очень скоро от нее отказалось. И нам грезилося, что, наконец, наступил ренессанс свободы слова. Но мы ошиблись.

Сначала процесс, а потом закон. Пока мы боролись за свободу слова, собственность, не защищенная законом, захватывалась по принципу, что не запрещено, то разрешено. Случился тот самый передел собственности, в котором уже участвовал теневой капитал, вышедший из подполья. Началась интенсивная криминализация общества, всегда сопутствующая первичному накоплению капитала. Это, по сути, слова К. Маркса.

Так или иначе мы не получили народного капитализма, как, скажем, в Швеции, о котором много говорилось, а обрели нечто противоположное – алчный криминальный олигархический капитализм латиноамериканского разлива, предрасположенного к сращиванию с властью. Олигархи не оставили без внимания брошенную печать, они подобрали, не купили, нет, а именно подобрали. Она им не была нужна, как бизнес. Это был следующий этап. А пока бизнес делался на автомобилях, нефти, банковских махинациях, лекарствах, металлургии.

А СМИ были нужны олигархам, как пресс давления на

власть, как инструмент предвыборной борьбы, дабы в коридорах власти оказались свои. Так постепенно борьба за свободу слова обрела второй фронт. Власть осталась традиционным оппонентом журналистам. Правда, численность СМИ, которыми владеет частный собственник, умножилась кратно. Новый собственник быстро нашел свое место в этой схватке. Он попросту перечеркнул закон о свободе СМИ.

Журналистские коллективы, как собственник СМИ, тоже появились, но в подавляющем большинстве были малоуспешны, и в поисках средств приходили все к тем же олигархам. Конечно, были исключения. Но исключения лишь подтверждают правила. И если даже случалась редкая успешность журналистского холдинга, все равно, он – холдинг – искал стену, за которой мог бы укрыться или к которой мог бы прислониться. А стены всего две: либо власть, либо олигархи, как творцы коррумпированной власти.

Сегодня мы вправе сказать, что, если события будут развиваться в этом диапазоне, то борьба за свободу слова в качестве оппонента обретет криминал «чистой воды».

Региональные СМИ на этом симпозиуме так и говорили: «У нас нет выбора: либо в объятия власти, либо в объятия преступного мира». Второй вывод из этого события чисто политический. Союз правых сил заявляет свои права на единоличное наследование демократических перемен. И фактом этой конференции усиливает свое влияние на Западе. Напомним, что соучредителем конференции являлась аме-

риканская сторона, Гарвардский университет. На конференции выступал тогдашний посол США в России Александр Вершбоу. Это достаточно симптоматичная деталь: некое помешательство правых на США. Чрезмерная ориентация на американскую модель, на международный валютный фонд дали крайне отрицательный результат в экономическом развитии страны. Не потому что плоха Америка, а потому, что американский опыт был не адекватен среде, в которой он находил применение. Однако увлеченность оказалась столь неотвратимой, что и демократические настроения внутри страны мы стали выстраивать, ориентируясь на Америку.

Негласно в управленческом сознании, на определенных этажах власти, стала формироваться проамериканизм. В этом особенно преуспели правые. И ход событий, которые произошли после террористской атаки на Нью-Йорк 11 сентября, они провозгласили как свое предвидение, как некую политическую бесспорность. Складывалось такое впечатление, что действия Путина в сближении с Америкой во благо борьбы с терроризмом, есть предначертанный путь развития на будущее. Увы, это не так! Но и свободу слова мы трактуем непременно по американскому образцу.

Америке не надо заниматься экспансией в сфере культуры информационных технологий или масс-медиа. Мы освобождаем ей дорогу сами. Это тем более печально, что все эти действия сверхдержавы, а Америка – сверхдержава, идут с полным осознанием нашей слабости. Подобострастие поли-

тических сил внутри России и ажиотажное эпигонство наносит невосполнимый урон достоинству России, ее внутренней уверенности – вернуть свою державную значимость. Не могу не упомянуть одну частность того самого симпозиума «Власть прессы или пресс власти». В выступлении моего коллеги – председателя ВГТРК Олега Добродеева, человека, в высшей степени профессионального в информационном мире, прозвучала мысль странная и спорная одновременно. Олег Добродеев, обращаясь к декану факультета журналистики МГУ Ясену Засурскому, которого общество справедливо числит патриархом отечественной журналистики, сказал: «Вы неправильно учите журналистов. И нам приходится их переучивать. Вы исходите из ложного постулата, что главное для журналистики, это выработать свой взгляд на мир, свою точку зрения. Они приходят к нам, и первое, что начинают делать, это высказывать свое отношение к происходящему. Зачем? Кому это нужно? Собери информацию, изложи ее грамотно – вот задача. По сути, факультет штампует безграмотных и неумелых людей».

Далее, в подтверждение своей мысли, Олег Борисович сослался на свое единоразовое участие то ли в приемной, то ли экзаменационной комиссии на журфаке. Его поразили студент, который на вопрос: кто был отцом Людовика XV? Ответил: «Людовик XIV». Если не подходить столь строго, ответ претендовал бы на приз за остроумие.

Но вернемся к сути полемики. Добродеев, конечно же, от-

личный редактор и режиссер информационных программ. Злые языки рассказывают, что, когда Евгений Киселев на НТВ вел «Итоги», он не расставался с микрофонным наушником. У пульта сидел Добродеев и вел Киселева по программе, телефонируя ему все аналитические подходы. По другим источникам, Владимир Гусинский развлекал гостей своего дома тем, что включал телевизор, когда шли «Итоги». И говорил: «А, вот сейчас Евгений Алексеевич скажут то-то и то-то». Дословные совпадения фраз Гусинского при гостях и Киселева в прямом эфире сопровождалось, как рассказывают, всеобщим дружным хохотом. Возможно, это вымысел. Но факт остается фактом, в «понятиях» Добродеева должно быть четкое разделение труда: корреспондент собирает информацию, а думает и анализирует редактор. Далее Добродеев высказал еще одну не бесспорную идею: «И вообще совершенно не нужно журналиста пять лет учить ремеслу. Для этого хватит и двух лет. А вот три года он должен набираться базовых знаний, допустим, в металлургии, если он собирается об этом впоследствии писать и т.д.»

Я далек от желания перечеркнуть эти идеи, упаси бог! Просто они представляются мне ошибочными, и их можно назвать эксклюзивными, авторскими, что ли. Добродеев исходит из опыта американской журналистики. Не будет секретом, что все НТВ создавалось, как некая модель американского информационного вещания, скорректированная под российскую действительность. Этому есть свои объяснения.

Игорь Малащенко, главный менеджер и продюсер НТВ той поры, по своей стартовой профессии международник-американист. Они очень быстро нашли общий язык с Олегом Добродеевым. Разумеется, главной исходной были деньги. Участникам нового проекта были предложены суммы, несопоставимые с тем, что могло предложить российское телевидение тех лет. На РТР никогда не было финансового раздолья. Разумеется, был и второй интерес – легенда о независимом телевидении. НТВ стало первой частной компанией. Ну, и, конечно, аромат совершенно нового дела. Между тем, есть и такое мнение: НТВ – один из самых удачных проектов новых «демократических» преемников «пятерки» – 5-го (политического) управления ГКБ СССР и лично его многолетнего «шефа» Филиппа Денисовича Бобкова. Сделать «независимый канал» для проведения «своих» идей и легализации капиталов КПСС, которые в 1990 – 1992 годах усиленно «перерабатывали» якобы структуры КГБ. Скорее всего, это – предположение, хотя с первых дней НТВ, т.е. с 1993 года его Службу безопасности, а позже объединенную службу безопасности группы «Мост», куда входил и один из самых влиятельных в то время «Мост-банк» Владимира Гусинского, возглавил именно Ф.Д. Бобков.

Идея была очевидной: создать российский вариант CNN. Поначалу все так и вершилось, но очень скоро, получив во владение один из федеральных каналов, подчеркну, не купив, что было бы совершенно правомерно, а получив бес-

платно сверхдорогую государственную собственность, какой является эфир метрового канала, НТВ пошло в гору. Не стану сейчас касаться этой темы: как, и почему, и за какие услуги, оказанные власти. При всех издержках создание всегда лучше, чем разрушение. Свершилось значимое в развитии телевидения, и материализовалась свобода слова: появилось НТВ. А затем оно, опираясь на более мощные финансовые возможности, стало стремительно набирать высоту.

Мы – удивительная страна. Когда что-то состоялось, мы теряем интерес к законности или незаконности свершившегося. Это первый кризис неустойчивости демократических убеждений и зыбкости демократических институтов в стране. Сильная демократия не боится ворошить свое рядом стоящее прошлое. Слабая демократия предпочитает предавать анафеме прошлое своих предшественников.

Однако вернемся к выступлению Олега Добродеева. CNN – это высокопрофессиональный конвейер новостей. Когда я создавал Российское телевидение, передо мной тоже стояла задача, какой принцип информационной политики, информационного формата выбрать. Отсматривая зарубежные новости, я посчитал, что наиболее интересным для России и близким по сути может стать ВВС. Там тоже поток, но с большей окраской индивидуальности и эксклюзивности. Подчеркиваю, я говорю о ВВС образца 1991 – 1992 годов. Увы, ныне ВВС переживает не лучшие времена. В начале февраля я встречался с представителями ВВС. Это был не высший уро-

вень руководства, но именно те, кто имеет опыт длительной работы на ВВС. Это давало мне возможность сравнивать. Я видел этих же самых людей в иных ситуациях и с энергетикой профессиональных амбиций. Я слушал их, и мне казалось, что я сижу у затухающего костра. Жаль.

Малашенко выбрал модель CNN, Гусинский одобрил выбор, но идея чисто информационного канала очень скоро сошла на нет. И мы стали свидетелями идеологического и коммуникативного миксера – смешанного варианта американского и европейского телевидения с добавлением пряностей российской ментальности.

Добродеев создал мощную информационную систему НТВ, которая очень скоро стала лучшей на телевизионном пространстве России. Но лучшим его сделал не конвейер, а индивидуальность корреспондентов, претендующих на собственное осмысление ситуации.

Возможно, это раздражало Добродеева, я не знаю. Он добился от ведущих информационных программ Татьяны Митковой и Михаила Осокина безукоризненности, исключая даже отдаленный намек на микроаналитичность. И Миткова, и Осокин были великолепными «разводящими», великолепными регулировщиками информационных потоков, в которых они предпочитали ног не мочить. Никаких оценок, никаких толкований происходящего на экране.

В феврале 2001 года на одной из встреч, слушая Олега Добродеева, я вдруг понял, что его идеи НТВ воплоти-

лись лишь наполовину. Он добился абсолютной проводимости своих идей у ведущих программ, однако корреспонденты так и не поступились своей индивидуальностью, и он вынужден был с этим примириться. Все произошло с точностью наоборот: анализ, который только и возможен был в студии, переместился на места, и ведущим ничего не оставалось, как только регулировать эти потоки, выполняя функции главного диспетчера без какой-либо индивидуальной аналитической краски. Получилось очень даже неплохо. Поэтому и Светлана Сорокина, которая в числе последних «звезд» покинула РТР и перешла на НТВ, не была допущена в информационный пул, так как отличалась подчеркнутой индивидуальностью. А эта черта могла помешать Добродееву и его философии. Ярко выраженная индивидуальность противопоставлена информационному конвейеру. Кстати, это распространенный и профессиональный взгляд на проблему, особенно, среди директоров и главных редакторов информационных служб.

Александр Нехорошев, с которым я после ухода Олега Добродеева и отставки Владимира Батунова с поста директора информационной службы, делал «Вести» на РТР, придерживался той же самой философии. Все конфликты Нехорошева с сотрудниками начинались в тот момент, когда кто-либо претендовал на нечто большее с точки зрения своего творческого «я», нежели то, что ему определил руководитель информационного процесса.

Я придерживался прямо противоположной философии. В качестве корреспондентов и, тем более ведущих, я искал не блестящих ремесленников, а нестандартных, ярких и порой несговорчивых профессионалов. С ними мучительно работать, они крайне непредсказуемы для самовлюбленного начальства. Они – прибежище всех скандалов, бунтов. Все именно так. Но только с ними работа становится творческой и захватывающей.

Я всегда говорил, что время дикторского радио и телевидения прошло. Чтобы выиграть конкуренцию, нужна авторская информация, авторское телевидение и радио. И славное НТВ и его «Времечко» появилось спустя два года, и это было логично.

Меня критиковала власть, коллеги из СМИ. «С какой стати ведущие Светлана Сорокина или Юрий Ростов нас поучают? Мы сами разберемся». Эти монологи Вячеслава Старкова, редактора газеты «Аргументы и факты», я слышал в начале 90-х годов не раз и не два. Старался убеждать моих оппонентов в обратном. И был уверен, что выиграть конкуренцию в демократической среде, можно только дав свободу в проявлении индивидуальности, авторского начала, без чего нет и быть не может российской журналистики. Всех корреспондентов в пору своей работы на РТР я настраивал именно на эту волну. Прежде всего, и во главе всего, должно стоять не только изложение факта, а грамотное и объемное его истолкование. Только это делает правду эксклюзивной и

интересной. Только истолкование факта побуждает зрителя обратить на него внимание.

И тот факт, что в конечном итоге почти весь корреспондентский состав НТВ вышел из РТР, получилось то, что получилось. Эта индивидуальность корреспондентов, которых мы не смогли в силу финансовых сложностей удержать на РТР, в конечном итоге и принесли славу НТВ как лучшей информационной команде. Столь нестандартный взгляд Олега Добродеева на концепцию образования журналистов, конечно, обусловлен политическим давлением, которое власть и, прежде всего, Кремль, оказывает на РТР и Останкино.

Этот прессинг начался еще с вице-премьерства Чубайса, который проводил встречи с руководителями СМИ более жестко, чем это делалось даже ЦК КПСС. И тезис «кто не с нами, тот против нас» был доведен Анатолием Борисовичем до эталонности. В Чубайсе Михаил Андреевич Суслов получил идеального идеологического преемника, через временной этап, правда, когда к понятию «большевик» очень точно прищвартовывается смысловая приставка «нео».

Нынешняя кремлевская администрация работает в ином диапазоне. В каком именно? История с НТВ и ТВ-6 крайне показательна. Власть не приемлет оппозиции. Меня могут поправить: власть не приемлет враждебности к себе. Толкование оппозиционности как враждебности удобно для власти. Ибо борьба с врагом – это вроде как правоверная борьба.

ба. Мы можем углубиться в спор о терминах, и тогда потеряется смысловая ткань спора.

Ныне я каждый день отвечаю на этот вопрос: конфликт с НТВ, а затем с ТВ-6 – это новая краска в отношении новой власти с независимыми СМИ? Это атака на свободу слова? Это авторитарный стиль нового президента, который неумело старается скрыть президентская администрация? Это наступление на интересы Семьи, которая с потерей ряда СМИ утратит свое влияние на политические и экономические процессы? Или Семья здесь «с боку припеку»? Она уже давно дистанцировалась от действий Бориса Березовского и проводила молчаливым уход с политической арены создателя НТВ Владимира Гусинского?

Недавно я встречался с заместителем министра печати и средств массовой информации Михаилом Сеславинским. У нас был интересный разговор. Положение, в котором оказалось министерство и, прежде всего, министр, нельзя назвать простым.

Это стиль Путина: любые рискованные действия совершить руками подчиненных. Михаил Лесин понимает, что он – на острие ситуации. Сеславинский бросил фразу: «Да, Михаил Юрьевич часто встречается с президентом. Тот избегает полемики «за» или «против». Он над процессом. Он может сказать: «Действуйте, как считаете нужным». За собой он оставляет право всем нам выставлять оценки: «Сработали на «четыре» или на «три» балла». Так что простой эту

ситуацию не назовешь», — заключил Сеславинский.

Есть такая информация, что Михаил Лесин подавал заявление об отставке. Заявление якобы взяли, но Лесина в отставку не отправили. Нечто подобное, чуть раньше, в разгар истории с НТВ, сделал Олег Добродеев, подав прошение об отставке с поста председателя ВГТРК. Результат примерно тот же. С одним уточнением, что президент заметил: когда уходит Добродееву, он, Путин, решит сам.

Добродеев объяснил свой поступок нервным срывом, извинился перед президентом и покинул его кабинет. Так ли это было на самом деле или злые языки что-то добавили от себя, значения не имеет. Логика действий Президента очевидна: он избегает скорых решений и не одобряет спонтанных поступков. Почему? Легче всего ответить, что как первое, так и второе не в его стиле. Такой ответ будет неполным и неточным. Путин — не человек экспромта. Поэтому он не любит неожиданных поступков. Ему всегда нужно время для принятия решения, и время достаточное.

Вопрос: кто он, наш президент? Вопрос, в известной мере, риторический. Всякий президент — это три составляющих. Сам президент, как некая фабула его характера — его привычки, поступки, пристрастия, интересы, привязанности, увлечения, вкусы. Окружение президента, как следствие его пристрастий. И, наконец, политика президента, философия его решений и поступков.

25 февраля 2002 года.

Сегодня ночью состоялось закрытие зимних Олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити. В городе у соленого озера, то есть. Нет смысла говорить, что страна сопереживала событиям. Те, кто никогда не считал себя болельщиком, превращался в него. И это логично. Нелогично другое: не спортивные события захватывали людей, не накал борьбы, а скандалы, сотрясающие Олимпиаду буквально каждый день. История с допинговым контролем, перешагнувшая разумные пределы. Ежедневные дисквалификации, лишение уже завоеванных медалей, отстранение от соревнований и плюс к тому, бесспорно, синхронное решение международной федерации гимнастики о лишении Алины Кабаевой, нашего лидера в художественной гимнастике, Олимпийской медали за прошлогоднюю летнюю, 2001 года, Олимпиаду. Все это переполнило чашу терпения нации.

Не будет преувеличением сказать, подобного унижения страна не испытывала уже давно. Страсти подогревались еще и фактом малоуспешного выступления российской команды в целом.

Лишение России еще двух медалей не позволило ей подняться выше четвертого общекомандного места. А на третьем – американцы. Пилюлю несколько подсластили – лишение испанцев золотой медали в гонке на 50 км, что позволило россиянам, выигравшим серебро, подняться на первое место.

Россию унижали с оглядкой. Мы никогда не узнаем всех деталей происходящего. Не потому, что их нет. Просто в этом случае, как ни в каком ином, правду неправдой и наоборот делают не факты, а их толкование: спортсменами, чиновниками, тренерами, журналистами. Не скроем, что помимо нашего видения, есть еще и видение противной стороны, хотя мы уже заявили, оно пристрастно и необъективно к России. Честно говоря, подобное утверждение недалеко от истины. После него чуть легче на душе, но суждение противной стороны все равно остается, и исключать его из нашего анализа, как якобы несуществующее, нельзя.

Российская команда была плохо подготовлена по большинству позиций – факт неопровержимый. Тут же возникает череда объяснений: нет денег, государство махнуло рукой на спорт. Лучшие тренеры покинули страну, рухнула тренерская школа. Мы тренируемся на скверных беговых дорожках: лед не тот, коньки не те, спортивный инвентарь из прошлого века. Спортивные чиновники скверно защищали интересы команды. Их протестующих голосов не было слышно.

После стольких унижений команда России не решилась на скандал, который был бы и правомерен и, бесспорно, результативен. Канадцы устроили «заваруху», затравили французского судью, и добились второго комплекта золотых медалей. А на протесты наших МОК попросту наплевал. Почему?

«Интересный вопрос», как любил приговаривать генпрокурор СССР Александр Рекунков. Была ли несправедли-

вость к спортсменам из СССР во времена их слез при подъеме «серпастого» красного флага на международных соревнованиях и Олимпиадах? Разумеется, была. Но это была защитная реакция на наше превосходство, нежелание подчиниться этому превосходству, превосходству сильной страны. Эти судейские подножки были желанием придержать рвущихся вперед наших спортсменов, чтоб они не ушли слишком далеко.

На Олимпиаде в американском городе у соленого озера пробило брешь в нашем спортивном корабле не судейство, а некая негативная атмосфера вокруг российской команды. Команда в этом случае не существует сама по себе, как некая субстанция вне политики, вне экономики, вне бытовой культуры. Она – порождение этих трех составляющих, она – слепок страны, ее образ. И отношение к нашей команде, коль оно выглядело предвзятым, есть отношение к стране по имени Россия. А это уже результат нашей внешней и внутренней политики. И вот что интересно. Отношение к нашей стране на Западе в период проклятого социалистического прошлого было неизмеримо уважительнее, нежели сейчас, когда Россия кричит на каждом шагу, что она невероятно рыночная страна, безмерно демократическая. И назад для нее, т.е. в социалистическую пещеру, путь заказан. Парадокс, однако. Это тоже, как и все прочее, результат наших реформ.

Разумеется, говорим мы, во всем виновата западная пропаганда. Она извращает образ нашей страны. А когда она его

не извращала? Как говорилось в ту пору, «хай себе»! Только тогда они его извращали вопреки радужным аттестациям советской печати. А сейчас в полном согласии с печатью российской, которая ухитрилась свободу слова превратить в пыточный коридор, в котором первая среда – информация, полностью заменена второй средой – средой слухов, молвы и наветов. Сегодняшняя свобода слова это свобода заказа. Они там, на Западе, не делают ничего иного, как только тиражируют лимит информативности и аналитическое толкование. А чего мы хотим? Какого уважения в той же Америке, если у себя в стране тиражируем изречение великого русского писателя Льва Николаевича Толстого: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Жесткие слова, но не лишённые смысла, когда патриот становится шовинистом. Да, это не Америка, где чувство патриота есть ключ, которым нация открывает проблемную суть, именуемую успех в жизни. Страну, так устроенную, так себя оценивающую, никогда уважать не будут. Посмотрите, как ведут себя наши «новые русские» за рубежом. В гостиницах, на пляжах. В игорных домах, борделях русская речь звучит чаще, чем любая иная. То, что они не знают культуры той страны, в которой скупают богатейшие особняки, не страшно. Они держатся вызывающе, оскорбительно желая навязать свой менталитет «грядущего хама» в виде заезжего полупьяного купца из глухомани.

Сколько я слышал недоумений по этому поводу в Испании, Франции, Англии, Германии и один и тот же вопрос:

«Что там у вас происходит в России?» Это уже не про демократию и права человека. Нет-нет! Это про большие деньги и дремучую модель хамского поведения группы людей, ополумевших от внезапных и несправедливых доходов, на фоне нищеты, культурной и образованной в целом страны. Страны, которую, согласно недавнему социологическому опросу среди молодежи, готов покинуть каждый второй. Они так и отвечали на заданный вопрос: «Не хочу связывать свою судьбу с этой страной». Не моей! Нет! *Этой*. Вот он, печальный итог наших реформ.

Внутренняя политика, проводимая властью, создала устойчивый негативный образ России. И, поверьте, Чечня – не самая черная краска в этой палитре. И страсбургские «посиделки» наших правозащитников, людей, бесспорно, искренних, но лишенных житейской взвешенности, не так уж много добавляют негативности восприятия страны.

Права человека – святое. А вот свое место наши правозащитники почему-то выбирает в дальних комнатах дома, именуемого цивилизацией. Конечно, можно до хрипоты спорить, чьи права нарушает обязательная регистрация, которая стала, по сути, пропиской в Москве. И посвящать этому целые общественные кампании, но при этом оставаться безучастным к эскалации насилия со стороны преступного мира, к срастанию власти с криминалом. Мы не заметили, как под правозащитный аккомпанемент о равенстве перед законом мы обрели равенство перед беззаконьем. Наши право-

защитные устремления, как мне кажется, стали терять ощущение цели.

Правозащитники занимаются не тем, чем живет общество и несет моральный урон в своих борениях с властью, а конфликтами, к которым появляется интерес на Западе.

Вот почему почти сошло на нет общество «Мемориал». Оно не нашло своей ниши в современных условиях. Посвяительство на права человека обрело совсем иной рисунок. А правозащитники по инерции еще бьются с коммунистами. Настает время атаковать уродливый и криминальный капитализм, но, увы, наше правозащитное движение к этому не готово.

Как ни странно, все это связано с образом страны. Нас не уважают, потому что мы позволили себя не уважать. Зимняя Олимпиада-2002 это подтвердила со всем удручающим откровением. Общество переживало это унижение чрезвычайно болезненно. И никогда требование отстоять достоинство страны не было столь массовым. Оно не выражалось в митингах, и слава богу! Оно присутствовало повсеместно в каждом доме, в каждой квартире. А это – гораздо серьезнее, чем наскоро организованные митинговые страсти.

Естественно, неприязненная позиция спортивных и государственных чиновников, сопровождавших нашу олимпийскую команду, вызывала недоумение. Мы не спрашивали себя, почему чиновники ведут себя столь нерешительно, если унижение столь очевидно. Почему только после реак-

ции президента Путина появились какие-то протесты против действий судей? Я думаю, что над спортивной делегацией висел дамоклов меч нынешней политики. После чего утверждение «спорт вне политики» выглядит особенно карикатурно.

Олимпиада проводилась в той самой стране, которую с недавних пор мы аттестуем своим союзником, хотя слабо верим в это утверждение. Совершенно очевидно, что все мы стали заложниками событий 11 сентября 2001 года, когда террористы направили пассажирские самолеты на два символа деловой Америки – башни-близнецы. И под их руинами были похоронены не только тысячи людей, но и миф о неуязвимости системы безопасности в США. После Олимпиады человеческий поступок нашего президента, первым протянувшего руку поддержки американцам в тяжелейший для них час, был ими сведен если не к нулю, то величине, близкой к этому математическому значению. Американцы до удивления легко получили военные базы в Узбекистане, Киргизии и Туркмении не без помощи России, но дали ей понять: теперь «посредник нам не нужен». Разумеется, в Америке обхаживали нас, но с другой стороны. Так ли уж безукоризненны наши спортсмены? А может быть, действительно, мы пренебрегли олимпийскими требованиями, и вот расплата? Отгремела Олимпиада. Чиновники пережили малоприятные отчеты перед россиянами и президентом. Владимир Познер в своих «Временах» еще раз объемно обсу-

жил власть, показательно побранив отечественных олимпийских чиновников. Сделал это вполне профессионально. Трогательно защитил Америку на правах американского старожилы. Разумеется, никакого заговора против России не было. Это не более чем эмоциональный всплеск непросвещенных соотечественников.

Председатель ОКР Леонид Тягачев выглядел замученным и несколько подавленным, хотя ему была гарантирована полная благополучность эфира. Неудивительно, а я на это обратил внимание, насколько программе «Времена» импонируют высокие чиновники. Выверенное до мельчайших нюансов отношение к федеральной власти в образе гибкого почитания вызывает всеобщую чиновничью удовлетворенность. Это и есть ниша Владимира Познера – исключительного профессионала, отдавшего свой дар в услужение власти. И, если начинает где-то искрить, не волнуйтесь, это не более чем эффект бенгальского огня.

Леонид Тягачев восседал с лицом человека, которому только что огласили обвинительный приговор. Виталий Смирнов, представляющий интересы России в Международном Олимпийском Комитете (МОК), тоже не был лишен подавленности. Хотя он ухитрился вытребовать в МОК стенограмму своих выступлений и реплик по поводу скандала вокруг российской сборной. Характерно, что он еще ухитрился заверить эту стенограмму соответствующими подписями и печатями. Факт по унижительности, не имеющий анало-

гов. Поясняя свои действия, Виталий Смирнов раздраженно резюмировал: «Я знаю, в какую страну я возвращаюсь». И, хотя мы приняли, как некую истину, оправдание чиновников, упрекнувших общество в незнании олимпийских тонкостей, не хочется с этим соглашаться. Почему? Потому что климат в спорте, атмосферу, создают, в первую голову, спортивные чиновники. Разрушительными для многих определяющих основ государства оказались реформы. И спорт, как массовый, так и элитарный, оказался в череде этих потерь.

15 марта 2002 года, пятница. 18 часов. Сообщение ИТАР-ТАСС с пометкой «срочно»: «Только что президент страны принял отставку Виктора Геращенко, главы Центробанка России».

Путин предложил Государственной думе рассмотреть вопрос об отставке главного банкира страны, а также внес на рассмотрение депутатов кандидатуру Сергея Игнатьева, первого заместителя министра финансов России, которому и придется заменить Виктора Геращенко.

В правительстве Сергей Игнатьев занимался вопросами взаимоотношений исполнительной власти с Центробанком страны. По внешнему рисунку, если не вдаваться в неадекватность происходящего, ход правомерный и вполне логичный. Профессионал уходит, профессионал приходит ему на смену. Первый мудрее и значимее, второй – моложе, он еще «доберет» в своей значимости. Геращенко достоин отдельной главы в книге. Три месяца ранее я сделал о нем по-

луторачасовой фильм. Для меня это было любопытным постижением сущности бытия. Я назвал свой фильм «Три подвига Геракла». Профессиональных свершений в его жизни было больше, но мифы требуют своего языка, и поэтому — «Три подвига Геракла».

Виктор Геращенко всегда был неудобным человеком. Это его качество исходило из нескольких составляющих. Восребованность его всеохватного профессионализма совпала с периодом жесточайшего экономического кризиса, в который сначала угодил находящийся на последнем издыхании СССР, а затем и Россия.

Профессионала и консерватор высочайшей пробы Виктор Геращенко воспринимался младореформаторами, как некий монстр, глыба, которую невозможно передвинуть в силу ее объемности. На нее непременно наталкиваешься, если идешь вперед, и упираешься спиной, если пятишься назад.

И в силу ее мощи ничего не оставалось иного, как задействовать глыбу в оборонном укреплении в виде главенствующей опоры. Это был единственный в истории России человек, который четырежды вынужденно покидал пост главного банкира страны, и четырежды на него возвращался.

Непросвещенную высокую власть, а власть в России никогда не была излишне просвещенной, раздражал невероятный перепад в знании и понимании банковского дела, который существовал между Виктором Геращенко и властью, отрядившей его на это направление. Младореформаторы не по-

падали в разряд непросвещенных. Напротив, они были хорошо образованы, но у них, всех без исключения, полностью отсутствовала практика жизни. А у Геращенко она была в избытке.

Он не был противником реформ. Он был противником спешки, любых революционных действий, как в экономике, так и в банковском деле. Геращенко в своей управленческой философии был сторонником эволюционно взвешенного и выверенного курса перемен. Эта неоспоримая контрастность всегда раздражала власть. Атаки на Виктора Геращенко были постоянными. И при первой же возможности реформаторы, побуждаемые настоятельными рекомендациями МВФ, ВБ, системщиками Лондонского и Парижского клубов, экономистами США, вынуждали Геращенко покидать свой пост. А затем, оказавшись один на один с перманентно возникавшими кризисными потрясениями и чувствуя бессилие перед ними, возвращали Геращенко в Центробанк.

Нынешняя ситуация отличается от прежних. Никогда Центральный банк не имел таких высоких резервов, как ныне. Парадокс и заключается в том, что отправляют в отставку не руководителя, развалившего дело, а успешного профессионала. Вот, почему мы вправе сказать, что и Владимир Путин не избежал застарелой болезни управления страной, когда путается первоочередность подходов к решениям: экономика является определяющим фактором политики, а не политика диктует свои условия экономике.

Разговор о своей отставке Виктор Геращенко затевал не раз. В сентябре 2002 года завершается очередной срок пребывания главы Центробанка на своем посту, после чего следует либо переизбрание, либо добровольная отставка. Геращенко не был уверен в своем переизбрании и, по словам президента, еще месяц назад подал заявление об уходе. Путин не просто рассказал об этом руководителям центристских фракций, но и уточнил, что он отговаривал Геращенко от этого шага. «Я, – сказал президент, – советовал Геращенко успокоиться и забрать заявление назад, но он этого не сделал. Сейчас Геращенко повторил свою просьбу». Примерно так пересказал разговор с Путиным один из участников встречи – глава фракции ОВР в Государственной думе Вячеслав Володин. Геращенко уже несколько раз заявлял, что свое 70-тилетие не намерен встречать в должности главы Центробанка. Все это, правда, произносилось в шутовском тоне, вперемижку с анекдотами, которые Геращенко рассказывал мастерски. Зачем Геращенко долгое время информировал власть и общество о том, что собирается добровольно сложить с себя полномочия главы ЦБ РФ?

Во-первых, чтобы обезопасить себя и не дать противнику обозначить его уход как волевое отстранение от должности.

Во-вторых, он делал шаг навстречу президенту. Премьер Михаил Касьянов остается. Он постоянный оппонент Виктора Геращенко, и реакция предсовмина на отставку председателя ЦБ бесспорно будет скрыто радостной. Геращенко

знал, что Касьянов в своих докладах Путину постоянно делает его крайним в неуклюжем развитии экономики и финансовой сферы родного Отечества. В ответ на критику президента о замедлении темпов экономического развития страны Касьянов ссылается на политику Центробанка, которая, якобы, сдерживает движение «вперед и выше». Основная мысль младореформаторов в то время: Центральный банк работает не на страну, а на себя. Сдерживает снижение курса рубля, а, значит, и ослабляет потенциал наших отечественных экспортеров, которые являются паровозами нашего экономического скачка. Президент опасается, что люди из «экономического блока» правительства скажут ему однажды: «Мы же предупреждали Вас, Владимир Владимирович, Виктор Владимирович Геращенко – тормоз, и тормоз основательный. Вот что по этому поводу говорят наши американские коллеги».

А с регулированием продажи валютной выручки как внутри, так и за ее пределами, Геращенко и вовсе стоит поперек горла у олигархов, коммерческих банков и просто жуликов от власти.

Разумеется, Госдума в этой интриге была умело использована. Буксующий уже в течение двух лет закон о Центральном банке был задействован, как главный заряд, который забросили в «берлогу» Геращенко. Призыв к прозрачности банка, на котором настаивают депутаты, несерьезен по определению. Банковская сфера – всегда тайна, потому что это – не *просто* деньги, а *все* деньги страны. Наблюдательный со-

вет, в который войдут депутаты, члены Совета Федерации, представители президентской администрации и правительства, абсурден. Ибо по Конституции РФ Центральный банк – учреждение независимое.

Геращенко понимал: в обывательских кругах небогатых людей может пострадать репутация президента, если он самостоятельно примет решение о его уходе. Это же может пошатнуть авторитет Путина и среди высокопрофессиональных кругов «старой гвардии». Геращенко помог президенту избавиться от себя в должности главного банкира страны, и еще раз подтвердил свою порядочность. Ну, а политический бомонд истолковал отставку Геращенко как бесспорный выигрыш Касьянова, Чубайса, Кудрина и олигархов. Геращенко уходил из ЦБ три раза и столько же в него возвращался. Но это все было в прошлом тысячелетии и в прошлом веке. В четвертый раз, на заре нового тысячелетия Виктор Геращенко покинул свой пост навсегда. Жалеет ли он о своем уходе? Разумеется. Он отдал главному банку государства всю свою жизнь. Он – его плоть.

Когда я шел вместе с Виктором Владимировичем по обновленному паркету восстановленного в своем историческом достоинстве здания ЦБ РФ, я чувствовал, как каждая ступень мраморной лестницы, каждая колонна, каждое кресло в зале заседаний и даже лампы излучали свое родство с ним. Было не очень понятно, кто часть чего? Геращенко – часть Центрального банка? Или банк – часть Геращенко?

От любви до ненависти – один шаг, или Испытание Америкой

Они оказались практически в равных условиях: и тот, и другой стали президентами огромных держав впервые. У каждого из них были свои сто дней, свой первый год президентства, своя шкала социологических опросов, и даже сверхвысокие рейтинги опросов каждого делали их похожими. Одного президента зовут Владимир Путин, другого – Джордж Буш, для простоты – Буш-младший.

Они были похожи в своей стартовой президентской неопытности. У одного за плечами было достаточно успешное губернаторство в штате Техас, у другого – стремительно-рваная карьера после службы в управлении ГКБ в Санкт-Петербурге. Помощник, позже заместитель мэра «северной столицы», отъезд в Москву, и, в общем-то, быстрое, свойственное только революционным эпохам и времени смут продвижение от рядового сотрудника Администрации Президента до премьер-министра страны, которого первый российский президент Борис Ельцин назвал своим преемником, досрочно сложив с себя полномочия главы государства.

Спираль интриги появления Путина во главе новой России замысловата и до сих пор отдает тайной. Трудно представить, но в то время Семья, нервничая и запутываясь в борениях под кремлевскими коврами, всерьез рассматрива-

ла в преемники больному и уже уставшему пить «папе» кандидатуру актера, кинорежиссера Никиты Михалкова. Борис Березовский частично финансирует поездки сына автора советского гимна по стране с его фильмом «Сибирский цирюльник». Ответно Никита Михалков вещал народу о бескорыстном меценате Борисе Абрамовиче Березовском.

Легкая волна слухов поднимается, как туман. А почему нет? Рональд Рейган был просто киноактером, а воплотился в одного из наиболее успешных президентов США, окрестившего СССР «империей зла», с которой надо бороться. И ведь добился немало. В «империи зла» объявили «перестройку». Никита Михалков, как актер, «почище» Рейгана будет, еще и режиссер классный. И, вообще, весь в папу. А папа – это эпоха отношений Михалковых с властью. Сергей Михалков – самый молодой кавалер ордена Ленина. Он получил его, будучи 22-летним. Его заметила и приласкала власть за детские стихи и текст гимна страны, где славились Сталин и другие большевистские вожди. А ведь для детей творили и Самуил Маршак, и Корней Чуковский, и Даниил Хармс. Мало быть любимым властью, надо вжиться в ее мироощущение. Михалкову-старшему это удалось без особого труда. Он влюбил в себя не власть, а детей власти.

Однажды я оказался у С.В.Михалкова дома. Он пригласил меня для беседы на предмет моего участия в работе секретариата Союза писателей РСФСР. В ту пору я был секретарем Союза писателей Москвы, членом правления Союза

писателей СССР и Союза писателей РСФСР. Я был удивлен этим предложением и сказал Михалкову, что буду в секретариате Российского Союза «белой вороной». В ту пору секретариат был достаточно агрессивен и даже одиозен. Лидировали в нем, по историческому определению, «почвенники» или «русофилы». Испокон веку великая русская идея неминуемо сбивалась на шовинизм, русский национализм, от которых – полшага до антисемитского угара. Подобные взгляды были мне чужды и как писателю, и как редактору всесоюзного журнала. А я испытывал давление, как со стороны антисемитов, так и со стороны еврейского литературного лобби.

«Вот и-и х-хорошо, – ответил Сергей Михалков, неповторимо заикаясь. – З-значит в секретариате будет д-две бб-белых вороны – т-т-ты и-и-и я».

Почему я вспомнил этот разговор? Тогда же я спросил Михалкова, как ему удастся ладить со всеми сменяемыми поколениями партийной власти?

«А ч-ч-чего с ними л-л-ладить? – ответил Михалков. – Они все выросли на моем д-д-дяде С-с-стеpe. И их дети, и их в-в-внуки тоже. Михалкову можно отказать, а-а-а отказать в-в-внуку сложно».

Никита Михалков, один из сыновей автора слов советского, а позже и российского гимнов, придерживается той же мысли. Впереди него во властные коридоры входят герои его фильмов. А это явление впечатляющее. И он этим умело

пользуется. Тем более что новое поколение власти – вне той культуры, которая всегда была гордостью нации. Новые в новой России точно так же, как их партийно-советские предшественники, посещают Большой театр, куда издавна принято приглашать высокую власть. На подобных премьерах новые в новой власти скучают и удаляются со второго действия, ссылаясь на неотложность дел, так как в кулуарах подобных посещений театров или вернисажей непременно заходит разговор о безденежье русской культуры. А младо– и просто реформаторы прагматичны, и всякие разговоры о государственной поддержке культуры они считают просоветскими и антирыночными. Умерла так умерла!

С Никитой Михалковым – сложнее. Он силен. И никогда не упускал своего шанса. Он долго ждал вхождения во власть. Ошибся в 1992 – 1993 годах, когда поставил на Александра Руцкого, который из вице-президента РФ с «чемоданами компромата» на Ельцина и его окружение после истеричных призывов к военным «бомбить Москву» превратился в одного из главарей антигосударственного мятежа.

Шесть лет Никита был вне власти. Вне приемов и презентаций. Вне очень больших денег, которые привык откусывать от бюджетного пирога. Другие времена. Ты не любишь эту власть, не разделяешь ее взглядов, и власть знает об этом, но ничего поделать с тобой не может. Она не занимается кино. А потому денег и расположения от нее не дожидаться. Но ты, Никита Сергеевич Михалков, не отступил, напротив,

освоился, внедрился, создал свое «ТриТЭ» и вошел в рынок, как в привычную плоть. Организаторский талант, цепкость плюс врожденная скупость – это уже семейные гены. Папа Сергей Владимирович любил повторять: «Скромность – это путь к забвению». Михалковы никогда и не страдали скромностью.

Никита удержался от искушения и не поддался на уговоры олигарха Бориса Абрамовича. Хотя их могло и не быть. Это наше предположение, но Березовский точно метил. Однако Семья не простила ему поддержки заговорщика Руцкого. И Никита Сергеевич укротил амбиции. Он все рассчитал, забвение должно окупиться. Россия «профукала» свое национальное кино, а он его сделает, в чем и убедил власть. Ельцин уже ничего не контролировал и не решал. А Виктор Черномырдин клюнул. Он дал деньги. Съемку «Сибирского цирюльника» оплатил премьер-министр, подписывая платежные поручения на производство картины из бюджета небогатой страны. А потом Никита Сергеевич Михалков въехал в Кремль на белом коне в роли российского самодержца Александра I. И вся политическая современная знать аплодировала ему. Сейчас, спустя время, он рад, что не поддался уговорам, намекам, не дал себя подцепить на крючок политики. С него хватит 1993 года. В этой полу-ссылке умирающего искусства он удержался от соблазна быть властью. Он правильно выбрал коридор рядом с властью, по соседству с ней, на одной лестничной площадке.

Бог миловал, актер Никита Михалков не стал соперником чекиста Владимира Путина на выборах президента. Ну, а бизнесмен и заместитель секретаря Совбеза России Борис Абрамович Березовский внес свой вклад во благо восшествия Путина на президентский олимп. Кто может упрекнуть Никиту Сергеевича Михалкова в том, что он поддержал «кремлевского пажа» на выборах в депутаты ГД РФ? Он поддержал человека, который сотворил путинскую партию.

3 апреля 2002 год. Переворот в Госдуме РФ. Коммунисты лишились власти, т. е. руководства девятью думскими комитетами, которые по «пакетному соглашению» они получили в 1999 году. Изменилась политическая конъюнктура. Центристские фракции объединились. «Единство», ОВР плюс две депутатские группы «Регионы России» и «Народный депутат».

5 апреля Чубайс заявил, что через два года, в апреле 2005 года, он уйдет в отставку. А пятью днями раньше, 31 марта, Владимир Путин встретился с руководством КПРФ и группой экономистов – ученых, не разделяющих политику правительства Михаила Касьянова. Имена – достаточно знаковые: академики Дмитрий Львов, Николай Петраков, Николай Бортников, член-корреспондент РАН Сергей Глазьев. Никакие не ортодоксы, тоже сторонники реформ, но противники всякой поспешности и шагов, разрушающих государство, как единое целое, противники сырьевого варианта развития страны. Разговор получился долгим – почти че-

тыре часа. Обстановка в преддверии встречи сложилась напряженная. Приглашенные прождали почти полтора часа, их охватило раздраженное недоумение. Заговорили о показательном унижении, предложили в знак протеста покинуть Кремль. Но в этот момент появился президент Путин, принес извинения, и нервная атмосфера разрядилась сама собой.

Конечно, справедлив вопрос, почему опоздал президент? Задержали дела. Противостоял давлению, которые на него оказывали ближайшие советники и помощники? Знал наверняка, что последующее распределение думских постов и лишение коммунистов их бесспорного преобладания в законодательном собрании непременно свяжут с этой встречей. Президент предал, продал, слукавил – покатаются эхом по коридорам власти версии чиновников и выплеснутся на улицы. С функционерами КПРФ и пришедшими в связке с ними академиками Путин был, как сам они утверждают, до удивления откровенен. Показал хорошее владение темой. Говорили о путях развития страны. Не о колбасе же или о лыжной мази, в самом деле, лидерам коммунистов и академикам с Владимиром Владимировичем говорить? А Путин после думского демарша центристов сделал еще один точный политический ход: высказался против отставки Геннадия Селезнева с поста спикера Государственной думы.

Любопытно, что встреча с «альтернативной командой» знатоков экономики, состоящей из деятелей КПРФ и акаде-

миков, прошла без обычного аппаратного сопровождения в лице Владислава Суркова или появляющегося обычно в ходе встречи Александра Волошина.

Вячеслав Володин, руководитель фракции ОВР в ГД РФ, политик молодой, не очень опытный, но искренний, рассуждает насчет вытеснения КПРФ из думских комитетов, хотя и упрощенно, но по-житейски выверенно: «Идти на выборы, не имея никаких рычагов влияния, – самоубийство. Да, мы их обрели слишком поздно, мы возглавили шесть комитетов. Теперь у нас появился шанс. И только от нас будет зависеть, как мы его используем».

Настало время задать вопрос: кто приобрел, а кто потерял? Смысловая суть «выемки» представителей КПРФ с ключевых постов в ГД: коммунисты, возглавляя комитеты, задерживают или торпедируют подготовку законов, открывающих путь к дальнейшему реформированию экономики. С точки зрения правых, тезис абсолютно логичный. Но с точки зрения центристов, в частности, ОВР, в той концепции, которую заложил в основу движения его лидер Юрий Лужков, это утверждение не выдерживает критики.

Законы вносятся правительством, которое контролируется СПС. ОВР по очень многим вопросам не разделяет взглядов правительства. И, вот, теперь думский «реванш центристов» ставит знак равенства между правительством и центристами, которые ранее, по сути, обязались поддержать и провести в жизнь законы, в которых торжествуют эконо-

мические идеи правых. В день тех событий телекомпания ТВ Центр провела интерактивный опрос зрителей. Вопрос, выведенный на экран, был достаточно прямолинейный (но именно эта прямолинейность делала его обывательски точным): «Жалко ли вам думских коммунистов?» Два остальных варианта ответа: «нет, не жалко» и «я безразличен к этой проблеме» – не имеют смысла. Более 12 000 позвонивших, сказали «жалко»; около 850 человек ответили «нет»; безразличными посчитали себя 360 человек. Так что жалость – это осязаемый политический капитал, особенно в России.

В 1991 году на президентских выборах Ельцин выступал в роли гонимого. Народ ему сочувствовал. Реакция, сравнимая с жалостью. И Ельцин победил на выборах. Победил в первом туре.

Коммунисты гонимые, значит, симпатии обывателя будут на их стороне. Критическое поле для коммунистов расширилось до необъятности. Правительство проводит антинародную политику, распродает страну. Мы сделали все, что могли. Мы сдерживали антинародные законы. Теперь нас нет, и вся ответственность ложится на центристов, захвативших власть в Думе. «Игра в Селезнева» – это палка о двух концах. Как истинный партиец, Геннадий Селезнев подчинился партийной дисциплине и оставил пост спикера. Это выигрыш или проигрыш? С точки зрения партийной авторитарности, выигрыш. В партии нет первых и вторых. Все, как один, солдаты партии. Согласитесь, это перебор, отдающий пещерным

холодом. Селезнев в течение шести часов выслушивал проповедь товарищей по партии, но остался при своем мнении: «Я остаюсь на посту председателя Госдумы». Вопрос по существу: с кем вы, коммунист Селезнев, с президентом или с товарищами по партии? Селезнев сыграл хитрее, в формах демагогии главной коммунистической газеты «Правда», которой во времена непоколебимого единства партии и народа, руководил: «Я со страной, со своими избирателями. Я не могу оставить массу должностных и общественных постов: как член Совета безопасности, председатель объединенного парламента «Россия – Белоруссия», сопредседатель парламентской ассамблеи и т.д. и т.п. Четвертый человек в стране. На этом посту я принесу больше пользы нашей родной партии, нежели стану рядовым членом парламента, и буду отсиживаться в рядах уязвленной оппозиции». Александр Куваев, глава московской организации КПРФ пригрозил Геннадию Селезневу исключением из партии, но затем смягчил оценки: все решит пленум. Селезнев – член московского пленума КПРФ. Президенту нужен Селезнев на посту спикера. Привыкать к новому за полтора года до выборов, выстраивать с ним отношения не время. А Селезнев – сформировавшийся продукт политики, да еще, к тому же, из «своих», питерских.

Но и Селезневу нужен Президент, заявивший, что не видит основания в смене спикера. При этом Президент делает уточнение. Значительный электорат коммунистов свыше 30% дает им право иметь на ключевом посту в Государствен-

ной думе своего представителя. Так что Геннадий Николаевич остается. Он сделал выбор, его политическая перспектива отныне связана с Путиным. Оставив Селезнева, Президент выиграл, продемонстрировав свою лояльность к КПРФ. Более того, он свел до минимума собственные рейтинговые потери. Характерно, что альтернативная встреча с коммунистами и представителями конструктивной оппозиции прошла именно накануне думского центристского переворота. На этой встрече Путин был предельно откровенен в оценке правительственных чиновников, Анатолия Чубайса. Он как бы дал понять присутствующим: «Мысленно я с вами. Но поймите, как мне непросто. Потерпите».

Разумеется, встреча насторожила либералов, и все ждали послание президента Федеральному собранию. Какой еще фокус выкинет президент-государственник. Но Президент остался верен себе, и 18 апреля выступил в мраморном зале Кремля. Оставил в покое свою государственность, не говорил о диктатуре закона и укреплении вертикали власти, то ли устав от ее вертикальности, то ли посчитав задачу выполненной. Напротив, он говорил о местном самоуправлении, которое, получив эффективное финансирование, может повысить общественный имидж власти.

Именно здесь, на местном уровне, огромный ресурс общественного контроля над властью. Без дееспособного местного самоуправления, эффективное устройство власти в целом Президент считает невозможным. Тезис абсолютно

справедливый. Но его торжество может быть в одном случае: если распределение налоговых поступлений между федеральным центром и регионами вернется к своим прежним пропорциям «50 на 50», или как минимум 60% на 40%.. Иначе откуда возьмутся средства для самоуправленческой эффективности?

Использовать развитие самоуправления для ослабления губернаторов, а это тоже можно прочесть в президентском послании, рискованный для Путина шаг. В словах послания, как всегда, достаточно недоговоренностей, что есть тоже замысел: каждый должен прочесть в президентском послании нечто истолкованное им в свою пользу. Будет ли этот раздел об экономике, реформе госаппарата, судебной реформе или реформе армии. А может быть, и концепция вхождения России в мировую экономику.

Как известно, «в России две беды: дураки и дороги». За века ничего почти в России в этом плане не изменилось. Вечные генетические дураки. Вечное отсутствие путных дорог. Только осознав, что с дураками дело не поправишь, в новой реформенной России занялись дорогами: ввели дорожный налог, создали дорожный фонд, худо-бедно начали дороги строить. Не везде, разумеется, строили, но воровали – везде. Даже на прокладке дорог местного значения. И вот из центра и с мест зазвучали хоровые песни без солистов: « На прокладке дорог воруют, обогащаются за наш счет». И тотчас начинается подковерная борьба за деньги. На отчисления в

региональный дорожный фонд федеральная власть накладывает вето. Все средства будут поступать отныне в федеральный бюджет. И федеральная, а не региональная, власть займется строительством дорог. Откусить – откусили, а проглотить не могут.

А что делать на местах? Регионы, поверившие федеральной власти, под этот самый дорожный фонд создали управленческие и строительные структуры, закупили технику, начали создавать сферу обслуживания, открыли тысячи рабочих мест. И куда теперь это все девать? В стране появился дорожный бизнес и тотчас стал умирать. А мы – реформы! XXI век! Очнитесь! Дураки и плохие дороги, как встарь. И в обилии превеликом.

Май – месяц половинный.

Сначала о традициях. Россия – страна наоборот. Обилие праздников становится национальной болезнью. Май 2002 года – сродни сумасшествию. Гуляем 1 – 5 мая, затем три дня условной работы и снова отдыхаем с 9 по 12 мая. Промежуток, а именно с 6 по 8 мая тоже приговорен. Официальные данные в России: на каждого работающего человека, включая отпуск, более трети года дней нерабочих. Явление, как говорится, аномальное, но существующее незыблемо. Сокращать праздники – мера непопулярная, власть ее боится.

Парадокс заключается в том, что инициаторами всех этих нововведений оказались реформаторы и демократический

парламент, которым только работать и работать на благо страны. Постепенно они ввели новые демократические красные даты, а именно: 12 июня с 1992 года – день России, а 12 декабря с 1994 года – День Конституции.

Демократический период развития страны дал новый импульс в отношениях между церковью и государством. Сближение было столь явственным, что представители духовенства оказались среди депутатов. Потом этот процесс несколько угас, но, тем не менее, высшее руководство страны почтило своим присутствием главные православные праздники: Рождество Христово и Пасху.

Однако этим не ограничилось. Церковь получила льготы от правительства на торговлю водкой и табаком. Разумеется, эта мера поправила скудные экономические и финансовые возможности церкви. Собственно, именно этим объяснялся столь нестандартный шаг со стороны исполнительной власти страны. Хочется верить, что столь значительные прибыли пошли на восстановление православного хозяйства (церковные храмы), пришедшего за долгие годы социализма в упадок и разруху. Так ли это на самом деле, покажет время. Добавим от себя, что власти в центре и в регионах, не в пример прошлых лет, вложили немало государственных средств на восстановление духовных центров страны. Высшая власть была последовательна и, в добавление ко всему прочему, объявила день Рождества Христова нерабочим днем. А Пасха и так всегда приходится на воскресенье.

Политическое затишье начала мая 2002 года не остановило весеннее наступление коммунистов: они провели разного рода демонстрации и митинги протеста.

Как всегда все ждали главный майский праздник – День Победы.

Именно 9 мая, в 10 ч. 33 мин., когда на Красной площади шел парад, посвященный Дню Победы, в дагестанском городе Каспийске прозвучал взрыв во время прохождения колонны демонстрантов. И снова кровь, смерть, отчаяние, боль и жажда мщения. И то, что число погибших росло поминутно: 20, 30, 35. Окончательная цифра: 45 жизней. И еще искалеченные, раненные – их 143.

Как в трижды проверенных кустах оказалась бомба? Как в состоянии сверхготовности служб ФСБ пострадали люди, которые в святой день оказались на запланированном, значит, охраняемом шествии? И еще и десятки «как?» да «почему?». Посылать проклятия на головы бандитов – занятия, хотя и страстное, но пустозвонное. Уже кляли, уже проклинали. Дальше что?! Дагестан на Северном Кавказе – это обнаженный фитиль, пропитанный бензином. Теперь уже поздно – все вспыхнуло само.

Энергетика мщения превратилась в движущее начало – вот где корень обреченности и отчаянного стога: «Господи, подскажи, что делать-то? Кто защитит?» А ведь ответ не так прост. От кого защитить? От ваххабитов, от воинствующего ислама, от киллеров или боевиков? От чиновников, мили-

ции, для которых опасность, страх – не более чем товар?

Мы ни на йоту не продвинулись в нашей политике в северокавказском регионе. Хасавюрт и соглашения, в общем-то, всего лишь, декларация о намерениях идти к миру, подписанные тогдашним секретарем Совбеза генералом Александром Лебедем и тогдашним начальником Вооруженных сил незаконной Ичкерии бывшим советским полковником Асланом Масхадовым, все клянут, как предательства, несуразность. Это не так. Предательство было до Хасавюрта – первая чеченская война. Опрометчивость российской армии, попавшей в ловушку этого предательства. Шаг Александра Лебеда был попыткой нащупать основные контуры иной политики в регионе.

Есть ли параллель с кавказской войной эпохи Шамиля? И да и нет.

Тогда, в XIX веке, вечно бунтующий предводитель кавказских горцев Шамиль понял бесперспективность партизанской войны с русскими и в 1855 году склонил голову перед царским престолом. Обратим внимание, что царь не уступил внутреннему призыву к мщению, что было бы правомерно, адресуясь к жертвам, которые понесла русская армия на Кавказе. Царь-реформатор Александр II поступил алогично и мудро. Он, первоначально разгромив войска Шамиля и окружив их остатки в одной из крепостей, предложил мятежному чеченцу почетный плен, а затем и приблизил его к царскому двору. Он признал достоинство Шамиля.

Он одарил стареющего предводителя горцев своей милостью и почестями, наградив титулом потомственного дворянина, подарив дом в Калуге и небольшое имение в Калужской губернии.

То были другие времена! С этим утверждением трудно спорить.

Хасавюртовский мир был ситуацией наоборот. Неизмеримо более мощная Россия стала инициатором мира в Чечне. Этим своим шагом Россия, путь не вслух, но признала, что военная сила оказалась неспособной установить порядок и найти взаимопонимание в Чечне. Чеченского рецидива могло и не быть, восторжествуй в свое время нестандартная идея Михаила Полторанина. В 1992 году, находясь на посту вице-премьера российского правительства и почувствовав неадекватность поведения тогдашнего чеченского лидера Джохара Дудаева, он рекомендовал Борису Ельцину использовать ход Александра II и одарить Дудаева, как некогда Шамиля, почестями. Повысить его в звании до чина генерал-полковника, назначить заместителем министра внутренних дел или министра обороны РФ. Дудаев был летчиком и к тому времени имел чин генерал-майора.

На переговоры в Грозный поехали тогдашний Госсекретарь РФ Геннадий Бурбулис и Михаил Полторанин. Идею осуществить не удалось. Высшая власть страны не оценила замысла.

Июнь 2002 года.

Алексей Пушкив, один из ведущих политических обозревателей ТВЦ, предложил мне принять участие в традиционном круглом столе, который он с успехом проводил. Народ собирается респектабельный, с амбициями: журналисты, политики, аналитики, политологи и все те, кто любит поговорить «за будущее страны», «пути ее развития», умеет это делать и втайне считает себя интеллектуальной элитой общества.

На этот раз все выглядело привычно: летние костюмы, мажнерные куртки, рядом с подчеркнутой небрежностью в одежде и, конечно же, галстуки – солнечно-желтые, розоватые с переливом, воздушно-серые, уходящие в пронзительную голубизну: от Кордена, от Гуччи, от Юдашкина и других модельных домов. На этом фоне агрессивный, похожий на разорившегося русского помещика начала XX века Александр Ципко, заместитель редактора в ту пору полуразвалившейся «Литературной газеты», верный своей манере задираТЬ всякого оратора и при этом безостановочно говорить.

Поджарая Ирина Хакамада, легко вступающая в разговор на любую тему. В этом смысле, возможно, она была сравнима только с Сергеем Кириенко, тоже одним из лидеров СПС. Эдакий автоматически миниатюрный мужчина. Однако школа неумной говорливости правых не только чувствовалась, но и торжествовала.

Тема дискуссии была, как всегда, пространной, словно по-

мысли власти от ЦК КПСС до наших дней: «Куда идет Россия?» или «Быть ли России великой?» А может еще парадоксальнее: «Нужен ли России суверенитет? И, если да, то, для каких целей?»

С. Караганов, И. Хакамада, А. Ципко, А. Арбатов, А. Кошкин, Г. Павловский, С. Марков – короче говоря, весь политический бомонд тех дней.

Повод к разговору: прошедший сверхактивный, с точки зрения внешнеполитического действия, май. Встреча Путин – Буш в Москве, плюс три международных саммита.

Господи, интеллигенция в России, если чем-то заболевает, то надолго. А, если быть более точным, навсегда.

Непрекращающийся спор государственников и рыночников: «славянофилов» и «западников», либералов и консерваторов. Иногда окраска разговора менялась. Реформаторы обрушивались на державников. Одни отказывали России в собственном пути, смеялись над помешательством на мессианских идеях. Тут же получали отпор, ответно обвиняясь в угодливом проамериканизме. Впрочем, все говорили умно, давая понять, что говорят не только от себя, а уже услышаны и понятны там, «наверху». Или услышаны и не поняты. Но это их не очень расстраивает, потому что «верх», отчасти, они сами.

Я ушел с ощущением зрителя, посетившего кинотеатр повторного фильма. Говорится не в обиду, так как я тоже выступал и могу быть оценен участниками так же иронично и

даже ядовито.

Путин успешен в международных делах. Пока успешен. Можно запутаться в названиях саммитов, участником которых за два последних месяца был российский президент. После сверхактивных демаршей в сторону Европы и Америки Путин едет в Казахстан, где раскручивается азиатский вариант. Пытается помирить Индию с Пакистаном. Мира не добивается, но ситуации не портит. Затем, Петербург, где проверяются отношения уже с Китаем. А накануне звонок Буша, который сообщает Путину, что США утверждают за Россией статус страны с рыночной экономикой. И тотчас два государственных телевизионных канала наперебой начинают торжественный молебен во славу президента и его международных успехов.

Тем не менее успехи есть? Ваш неуспех – не всегда успех вашего врага. На прошлой неделе Алексей Пушков назвал период конца мая и начала июня периодом отступления силовиков и государственников в команде президента перед натиском Семьи и правых сил. В сутках всего 24 часа и, естественно, президент, вдохновленный внушенными ему успехами на международной ниве, а успех очевиден, снова и снова устремляется: либо на Европейский, либо на Азиатский, либо на Американский континент.

Президента, не без его участия, вытесняют из внутренней жизни страны, отдаляют от решения экономических проблем. Таким образом, вся экономическая политика страны

оказывается под контролем премьера и той группы правительства и администрации, которая была поставлена прежним президентом и Семейей. Если к этому добавить некий клуб олигархов из числа нефтяных, металлургических магнатов, банкиров, а также задействованный повторно в качестве экономического эксперта институт, возглавляемый Егором Гайдаром, то мы получим некое продолжение неблагоприятных реформ с повторным переделом собственности, ослаблением позиций государства и как собственника, и как регулятора процесса.

Президент уже сейчас, в середине своего первого президентского срока, оказался в плену той части своего окружения, которую переигрывает питерский десант силовиков по всем статьям. Вливание государственников (а выходцы из ФСБ, военные, если так можно выразиться, по составу крови – государственники) не дало усиления державных идей в президентской администрации, и уж тем более в правительстве. Кстати, формирование правительства президент выпустил из-под своего контроля. Формально он утверждает любые назначения, но механизма, проникающего внутрь процесса, у него пока нет. Все кадровые назначения в правительстве контролирует та часть президентской администрации (Волошин и иже с ним), которая была сформирована Ельциным и олигархами той поры.

Я все время задаю себе вопрос, не есть ли мои размышления, опасения – продукт фантазий или незнания истинности

происходящего? Парадоксально, но я очень бы хотел ошибиться и получить подтверждение своим заблуждениям. Но, увы, истина остается истиной: я *прав*. И от таких мыслей не спасает реплика: «Это как посмотреть,... что считать успехом, а что и не успехом...»

Итак, по порядку.

В самом начале мая Путин высказывает неудовлетворенность темпами экономического роста, заявленных правительством. 4,0% роста, если не смехотворны, то оскорбительны для такой страны, как Россия, которая устами президента постоянно заявляет о своих претензиях на прорыв. Вместо этого мы продуцируем отставание. На постсоветском пространстве по темпам роста нас обгоняет Казахстан, Узбекистан и Туркмения. Мы продолжаем «кичиться» своими рыночными успехами, а результат издевательски скудный.

Президент возвращает на доработку план экономического развития страны. Правительство берет под козырек, но от идеи удваивания темпов роста, предложенных президентом, отказывается. Пересчет, сделанный правительством, повышает долю роста ничтожно – 0,6%. Как говорят в неслетском мире, президента «умыли», и он смолчал.

Есть ли неиспользованный ресурс повышения темпов роста страны? Есть, и он внушительен. Его составляющая – в развитии регионов. Возвращение к концепции: сильные регионы – сильная Россия. И, прежде всего, пересмотра правительственной концепции в распределении налогов. Сейчас

это 37% регионам и 63% центру.

Что интересно: перераспределение налогов в такой пропорции возможно в период очевидного роста. Ибо некая централизация и усиление бюджетных возможностей центра необходимо для выравнивания курса развития методом целевых программ. Но у нас все наоборот. В России некий вариант мнимого подъема или роста есть, а развития нет. Все стоит, работает только сырьевой сектор. И он, кстати, без развития геологических изысканий в нефтяной и газовой отрасли в этом направлении мы имеем самый низкий за историю своего существования уровень.

Только вливание в регионы, создание многовариантного производства, освоение и внедрение новых технологий могут обеспечить стране экономический рывок, который России потребен, как воздух.

Увы, когда президент в качестве норматива роста предлагает показатели Португалии, его нельзя в этом упрекнуть, такова реальность экономического состояния России. В этом случае и масштаб рывка соответствующий. Не учитывать, что речь идет о стране, которая некогда ставила задачу догнать и перегнать по производству стали, угля и по ряду других экономических показателей Соединенные Штаты Америки, ныне нереально.

Разумеется, что память об этих претензиях, политических амбициях убывает. Сходит на «нет» поколение, жившее по нормам ударных пятилеток. Еще существуют их дети, но они

тоже на пороге преклонного возраста. Путин это понимает, поэтому он говорит об амбициях, без которых нет великой нации. Ссылка на Португалию, возможно, и не самая удачная, но она попала в цель и уязвила государственников. Но, что поразительно – ответная реакция правительства. Она пересмотрела заниженные цифры роста и повысила их на 0,6%, таким образом, утвердив рост почти в два раза меньший, чем в Португалии.

И опять устами Михаила Касьянова озвучивают курс, исключаящий какие-либо рывки, только постепенность в духе сдержанной эволюции.

Еще раз повторимся: мало знать законы развития экономики. Надо знать страну, в пределах которой вы утверждаете эти законы. С начала 90-х годов, иначе говоря, весь десятилетний период реформ исполнительная власть демонстрировала удручающее незнание собственной страны. И еще одно интересное наблюдение. Когда речь шла о демонтаже, а, проще говоря, разрушении прежних принципов управления промышленностью, сельским хозяйством, наукой, образованием, культурой, собственностью, наконец, младореформаторы не хотели даже слышать об эволюционном подходе и постепенности перехода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.